

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1998 № 2

К 70-летию
Дома Плеханова

«НА МОЮ ДОЛЮ ВЫПАЛ СЧАСТЛИВЫЙ ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ»

Отрывки из воспоминаний Е. С. Коц

Работа архивистов и библиотекарей нечасто находит отражение на страницах книг и журналов. Тем интереснее будет познакомиться с воспоминаниями сотрудника сектора Дом Плеханова Отдела рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ныне Российской Национальной библиотеки, Елены Семеновны Коц, посвятившей этой работе тридцать лет жизни.

Е. С. Коц родилась в 1880 г. в Дагестане, где военным врачом служил ее отец. С 1898 г., окончив Ольгинскую гимназию во Владикавказе, училась на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования проф. П. Ф. Лесгафта в Петербурге. Но закончить их не смогла, так как в январе 1901 г., за участие в студенческом организационном собрании по подготовке демонстрации, была выслана из Петербурга без въезда в крупные города России. Она уезжает в Париж, где изучает французский язык и слушает лекции по истории и другим гуманитарным наукам в Сорбонне и Русской высшей школе общественных наук. После возвращения в Петербург, в 1907-1911 гг. училась в Вольном университете на Высших историко-литературных и юридических курсах. В 1913 г. экстерном сдала экзамены за курс юридического факультета Петербургского университета и получила диплом I степени. В течение ряда лет Е. С. Коц занимается литературной и переводческой деятельностью, служит в различных юридических учреждениях. Ее статьи, разъясняющие крестьянам вопросы законодательства, в виде брошюр издаются журналом «Земледелец». В годы Первой мировой войны Коц работает секретарем Юридического отдела Областного комитета Союза городов, является одним из составителей популярного среди военнослужащих «Справочника о пенсиях и льготах военнослужащим и их семьям».

После революции Е. С. Коц продолжала юридическую службу в ряде советских учреждений. В 1922-1923 гг. участвует в работе Комиссии по исследованию истории труда в России, сотрудничает в журналах «Архив истории труда в России» и «Русское прошлое». По результатам исследования материалов Министерства внутренних дел ею написан ряд статей о волнениях и побегах крепостных крестьян в эпоху царствования Николая I и книга «Крестьянские движения в России», вышедшая в серии «Историческая библиотека».

С января 1929 г. Е. С. Коц начала свою деятельность в Доме Плеханова (V филиал ГПБ), сначала в должности внештатного консультанта, а затем главного библиотекаря. С 1939 г., в связи с отъездом Р. М. Плехановой во Францию, она фактически руководила работой сектора. Коц стояла у истоков формирования Дома Плеханова как научно-исследовательского учреждения. Под ее руководством были разработаны принципы описания рукописей плехановского архива, создан научно-справочный аппарат к нему; проделана сложная работа по разбору разрозненных листов архива, в результате которой был восстановлен ряд неизвестных произведений Г. В. Плеханова, первоначальных редакций и вариантов уже опубликованных статей. Ей принадлежала ведущая роль в подготовке к печати сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова»: составление плана сборников, подбор материала, написание комментариев, предисловий, археографических и исторических справок, расшифровка и подготовка рукописей к печати, правка корректуры. Под руководством Е. С. Коц велась

работа по созданию уникального указателя «Библиография произведений и писем Г. В. Плеханова». Как опытный архивист и знаток плехановского рукописного наследия она была привлечена к подготовке к печати «Избранных философских произведений Г. В. Плеханова», издававшихся Институтом философии АН СССР в 1956-1958 гг.

В годы блокады Ленинграда Елена Семеновна работала в группе по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне», где вела систематическую картотеку газетных и журнальных статей. Ее труд оценен государственными наградами - медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945».

Воспоминания Е. С. Коц охватывают период с конца 1880-х до 1959 г. - года ее выхода на пенсию - и интересны тем, что прекрасно передают дух времени, наполнены яркими и острыми наблюдениями автора, деталями быта. Переданные в Дом Плеханова дочерью Елены Семеновны, Валентиной Александровны Коц, в марте 1997 г., мемуары представляют собой авторизованную машинопись в 280 листов. Публикуемый с некоторыми сокращениями текст является частью этих воспоминаний и отражает работу Е. С. Коц в Доме Плеханова.

Публикацию подготовила И. В. СМЕРНОВА.

Е. С. Коц

В конце 1924 года кто-то сказал мне, что из Парижа приехала вдова Плеханова Розалия Марковна, что она привезла с собой его архив и что вскоре начнет функционировать научное учреждение, в котором будут обрабатываться материалы этого архива. Меня очень заинтересовало это сообщение. Вот, подумала я, была бы подходящая для меня работа. Но как туда попасть? Надо, чтобы кто-нибудь авторитетный дал мне рекомендацию. Я посоветовалась с директором Музея революции Капланом, и он обещал мне переговорить с Дейчем, который в это время был в Ленинграде. Надо сказать, что хотя я с Дейчем не была знакома, но он кое-что знал обо мне от своей жены Эсфири Марковны Познер. Я уже упоминала выше, что Познеры были наши дальние родственники и что с этой семьей были тесно связаны мои юные годы. Так или иначе, но Лев Григорьевич, повидавшись со мной, посоветовал Розалии Марковне привлечь меня к работе над плехановским архивом.

В это время единственным сотрудником Дома Плеханова был Д. С. Махлин¹, очень квалифицированный работник, блестящий знаток истории партии, знавший буквально наизусть биографии всех социал-демократов. Сам он был бундовцем, за что и поплатился жестоко искалеченной жизнью на протяжении ряда лет. В ссылке он и умер. Давид Соломонович был чистейшей души человек, добродушный, общительный, щедрый, готовый со всеми поделиться своими обширными знаниями. На первых порах, когда я еще никакого понятия не имела об архивной работе, он очень помог мне, можно сказать, ввел в эту неведомую область. Хотя нам и недолго пришлось поработать вместе, так как его арестовали через несколько месяцев после открытия Дома, он успел научить меня главному - методам работы над архивными материалами. Его дружеская помощь была мне тем более необходима, что Розалия Марковна встретила меня очень холодно и недоверчиво. Недоверие к людям было одной из характерных ее черт. Нужно было очень много, чтобы разбить это недоверие. Вообще, она была сдержанна и суховата. Я тоже в начале знакомства держу себя замкнуто. Поэтому не сразу наши отношения наладились.

Первое время Дом не имел своего помещения, и нам для работы были предоставлены две комнаты в историческом здании Вольно-экономического общества на 4-й Красноармейской (бывшей 49-ой роте). Лишь [через] год-полтора рядом был построен флигель, по проекту Эсфири Марковны Дейч, в котором находились официальные комнаты Дома и квартира Розалии Марковны. На стыке этих двух частей здания помещался «кабинет Плеханова», носивший отчасти музейный характер.

В узкой комнате, где я сидела одна первые три месяца, стоял очень длинный стол, на котором я раскладывала листы плехановских рукописей. Скоро я освоила технику подбора, исходя не только из содержания страницы, но и из ряда чисто внешних признаков - цвет, размер, разлиновка бумаги, цвет чернил, почерк, менявшийся с годами, но, к счастью, всегда довольно разборчивый; наконец, нумерация страниц, подчас впрочем очень сложная, состоявшая из нескольких цифр.

В результате кропотливой и головоломной работы хаос был ликвидирован, и появилось большое количество отрывков и вариантов известных работ, а также, что было особенно интересно и важно, несколько новых, совершенно неизвестных статей. Исследовательская работа, произведенная над ними, позволила установить, что это были за статьи, когда и по какому поводу, для какого издания они были написаны, почему в свое время не были опубликованы. Вот когда я покорила сердце Розалии Марковны. Ведь для нее каждая строчка, написанная Георгием Валентиновичем, имела цену, а тут целые новые статьи. С этих пор она уверовала в меня, и с годами ее отношение ко мне становилось все лучше и сердечней.

Проделав эту работу, я, естественно, стала думать о публикации архивных материалов. Но тут я столкнулась с очень странной позицией Махлина. Этот донельзя скромный и нечестолюбивый человек говорил, что не наше это дело, «кто-нибудь должен и кирпичи класть». К счастью, Розалия Марковна не разделяла этого мнения.

Штат Дома между тем разрастался. Вскоре появились еще два архивных работника - Татьяна Зиновьевна Лукашевская и Адель Семеновна Волина². Татьяна Зиновьевна и в то время и в дальнейшем, на протяжении десятков лет, что я ее знаю, и до сегодняшнего дня остается для меня образцом настоящего человека, человека большой души. Отзывчивая, чуткая, сердечная, бескорыстная, она в то же время обладала природным умом и чудесным даром юмора. К работе она относилась не только добросовестно, но как к чему-то самому важному в жизни. Между прочим, из нас троих она единственная имела специальное библиотечное образование, полученное на двухгодичных курсах при Публичной библиотеке. Адель Семеновна обладала другими достоинствами. Это был человек большой культуры. Литература, живопись, музыка - все входило в сферу ее интересов. Она отлично знала три языка и была известна, как хорошая переводчица, выступавшая под фамилией Полоцкая. Ей обязаны русские читатели знакомством с произведениями Генриха Манна и других видных иностранных писателей. До сих пор много раз переиздается в ее переводе роман Манна «Верноподанный». В общем, мы трое, основное ядро Дома, очень удачно дополняли друг друга.

Некоторое время работала в Доме группа по описанию плехановской библиотеки. Под руководством опытной сотрудницы Публичной библиотеки работали две очень милые и толковые девочки - Анечка Белинская и Фрида Вейзагер³. Они создали каталоги и инвентарни, в

которых были перечислены страницы с заметками Плеханова на полях книг.

Лукашевская и Волина занимались разбором эпистолярного наследия Плеханова. Помощь им оказывал Махлин. Переписка плехановского архива заключала в себе как письма самого Плеханова, так и письма его многочисленных корреспондентов, в числе которых было много иностранцев. Работа была нелегкая. Надо было установить кем написано письмо, а часто и кому оно адресовано, так как не все письма были написаны Плеханову. Здесь Махлин был незаменимым советчиком. Затем надо было установить даты для писем, которые их не имели. Попутно и позднее Адель Семеновна переводила многие иностранные письма. Все это была пока только первоначальная, грубая, но крайне необходимая работа.

При дальнейшей, более детальной обработке, конечно, приходилось вносить немало поправок в эти первоначальные установки.

На протяжении почти двух десятков лет нами создавался научный аппарат Дома, который должен был помочь читателю ориентировать его в материалах плехановского архива. Описание рукописей, множество карточек к переписке, раскрывающих ее содержание с разных точек зрения, картотеки к плехановским тетрадям и записным книжкам и многие другие картотеки - таков был состав этого научного аппарата.

Наконец, большой работой, материал для которой накапливался беспрерывно на протяжении ряда лет, была полная академическая библиография произведений и писем Плеханова, со всеми изданиями и переизданиями на русском и иностранных языках. Этот аппарат очень помогал нам самим при подготовке к печати плехановских материалов и давал возможность обслуживать читателей Дома, не очень многочисленных, но в большинстве высококвалифицированных.

И в настоящее время, когда в Доме работают новые сотрудники, они используют при обслуживании читателей тот же научный аппарат⁴.

Как известно, отношение к Плеханову в тридцатых годах было резко критическим. Забывая о его заслугах, все кому не лень только и говорили, что об его ошибках. И это было настолько модно и обязательно, что многие, не разделявшие такого подхода, опасаясь прослыть неправовверными и накликать на себя обвинение в меньшевизме, не имели гражданского мужества восстановить истину, открыто выступить в защиту Плеханова⁵. Розалия Марковна тяжело переживала эту кампанию. Для нее Георгий Валентинович был непререкаемым авторитетом, она верила каждому его слову, и ее возмущало, что какие-то «молокососы» смеют обвинять его, и в чем? В неправильном понимании диалектики. Между тем, несмотря на такое критическое отношение, из Москвы приехали ответственные товарищи для переговоров об издании литературного наследия Плеханова. Договор с Соцэргизом был заключен. Первоначально в редакцию сборников входили Кретов, Розалия Марковна и Луначарский, который, однако, умер еще до выхода первого сборника. Со второго сборника состав редакции изменился, и большинство сборников вышло под редакцией Юдина, Иовчука и Плехановой. Согласно договоренности, комментарий к плехановским работам должен был носить не критический, а объективный характер. Договорились также и о том, что в сборниках не будут помещаться критические редакционные статьи в виде предисловий. Это обещание, однако, не всегда выполнялось редакцией, и в последних сборниках оно было нарушено.

Положение Дома в Публичной библиотеке было довольно странное. С одной стороны, Дом Плеханова был филиалом Библиотеки, с другой, он представлял собой как бы обособленное, почти независимое от

Библиотеки учреждение. К тому же дирекция Библиотеки просто боялась его, не хотела брать на себя ответственность за такой идеологически опасный участок работы.

Первым директором Библиотеки после открытия Дома был Добрянский⁶. Он чурался Дома, удирал от него, как черт от ладана. Он жил тут же, рядом, в квартире, которую до постройки флигеля занимала в здании Вольно-экономического общества Розалия Марковна. Кстати сказать, он не очень-то по-рыцарски выжил Розалию Марковну из этой квартиры и занял ее, когда помещение для Дома было только что построено и еще не обсохло. В нем было так сыро и холодно, что Розалия Марковна ходила закутанная с головы до ног, как на Северном полюсе. К нам, в рабочие комнаты, он никогда не заглядывал и только изредка приходил навестить Розалию Марковну и выпить у нее чашку чая.

Немногоим больше интереса к работе Дома проявляли и другие директора, а когда начали выходить сборники «Литературное наследие Г. В. Плеханова»⁷, они совсем успокоились в надежде на московскую редакцию, достаточно авторитетную, чтобы нести ответственность за издания, выходящие под фирмой Библиотеки.

Надо сказать, это отсутствие интереса к нашей работе было нам на руку. Лишенные всякой помощи, неопытные в этом деле, мы выкручивались самостоятельно и накапливали понемногу свой собственный опыт. Во всяком случае нам никто не мешал, и мы сами были себе хозяева. Временами мы по своей инициативе приглашали на консультацию специалистов Библиотеки, которые охотно делились с нами своим опытом и знаниями. К нашим работам они относились с уважением и, внося небольшие поправки, в общем одобряли их.

По нашей просьбе в Библиотеке было устроено собрание самых квалифицированных библиографов, на котором я сделала доклад о наших методах составления библиографии Плеханова. Несмотря на некоторое своеобразие этих методов, на внесение ряда новшеств, которые мы считали целесообразными и вытекающими из особенностей именно данной библиографии, мы получили полное одобрение, причем подчеркнуты были как раз оригинальность и своеобразие наших методов.

Работа по подготовке к печати сборников нас очень увлекла. Мы совершенно не считались со временем. Коллектив был очень дружный, хорошо сработавшийся. Весь процесс работы протекал организованно, и с начала до конца сборник проходил через одни руки. Это обеспечивало ему цельность и единообразие. Только первый сборник включал материалы, которые хотела в первую очередь видеть в печати Розалия Марковна. Но после его издания я убедилась, что сборники должны быть тематические, строго выдержанные.

Начиная с подбора материала - статей, отрывков, вариантов, подготовительных работ лабораторного характера, заметок на полях книг, писем, относящихся к теме сборника, и вплоть до последней корректуры, сборник проходил через мои руки. Я же вела переписку с издательством и единственным фактическим редактором Иовчуком. Так как набор был очень сложный, приходилось входить во все мелочи и подсказывать техреду шрифты заголовков и другие как будто не очень существенные, но важные, с моей точки зрения, вещи. Издательство не только считалось с этими замечаниями, но беспрекословно их выполняло.

Подготовленные рукописи передавались на редакцию Розалии Марковне. Она почти не вносила в них поправок, лишь изредка дополняя наши примечания какими-либо, ей одной известными

фактами, относящимися к Плеханову или другим знакомым ей лицам. Затем рукопись отсылалась в Москву. После просмотра ее московскими членами редакции я ездила обычно в Москву для согласования их поправок и замечаний с возражениями Розалии Марковны. Миссия была не из легких. Ее ранило каждое слово даже самой справедливой критики. Положение мое было особенно трудным именно потому, что я чаще была согласна не с ней, а с редакцией. Но ехала я в Москву ведь как ее представительница. И убеждать должна была в том, в чем сама не всегда была убеждена. Во всяком случае снятия особенно резких характеристик, вроде «социал-шовинист», я добивалась. Но надо сказать, что в основном редакция считалась с оговоренной в договоре объективностью комментария, и выпады против Плеханова были сравнительно редки.

Поездки в Москву были для меня, несмотря на все эти трудности, настоящим праздником. В Москве жили самые близкие мне родственники и друзья [...]. Командировка продолжалась обычно дней десять. Все утро я работала в издательстве, недалеко от Красных ворот, куда подъезжала на метро. Уже само по себе путешествие по метро доставляло мне наслаждение. Тогда это было внове, и я не уставала любоваться станциями. За границей мне не раз приходилось пользоваться метро - в Париже, Берлине и Лондоне. Все это не шло ни в какое сравнение с нашим - грязные туннели там и подземные дворцы у нас. И вообще, какое-то особенное настроение вызывает хождение по незнакомым улицам незнакомого города. А вечером приятно вернуться в обстановку домашнего тепла и уюта, к близким людям, с которыми давно не виделся и с которыми есть о чем поговорить и чем поделиться.

В издательстве сперва не было человека, специально занятого нашими сборниками. Это создавало неудобства и беспорядок. В один из приездов я подняла этот вопрос. Тогда-то и началась наша работа с Иовчуком⁸. В это время это был еще очень молодой худощавый юноша - не в пример теперешнему маститому и массивному профессору, члену-корреспонденту Академии наук. Работа по Плеханову, вероятно, и положила начало его карьере ученого. Редактор он был отличный и вообще человек, хоть и не очень привлекательный, но исключительно способный и быстрый. В свои кратковременные приезды в Ленинград он успевал за один вечер в гостинице просмотреть и снабдить толковыми замечаниями такую массу материалов, которая с трудом влезала в его объемистый портфель. Но, отдавая ему должное, я за годы совместной работы не почувствовала в нем настоящего товарища, не создалось у нас с ним ни делового, ни личного контакта.

Теперь остановлюсь на одной любопытной и характерной для того времени истории с нашим четвертым сборником. Он был посвящен теме борьбы с народничеством. Материал был исключительно интересный и новый - в него вошли неизвестные, возрожденные из разрозненных листов статьи. Вся история борьбы Плеханова с либеральными народниками, благодаря этим вновь обнаруженным материалам, приобрела несколько отличное от традиционного освещение. Одним из моментов этого нового подхода к крайне важному этапу плехановской деятельности было отнесение начала ее не к 1894 году, когда была написана им знаменитая книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а к 1892 году. Две редакции случайно оставшейся неопубликованной статьи, как выяснилось, представляли собой вариант будущей заключительной главы этой книги. Таким образом, приходилось перенести первое, хотя и несостоявшееся выступление Плеханова против либеральных народников к 1892 году, т. е. к дате, предшествующей выступлению Ленина с его

знаменитой работой «Что такое "друзья народа"?». Новые данные требовали серьезного обоснования и приведения в систему. Поэтому я написала ко всему сборнику большое предисловие. Сборник был уже набран, и вдруг мы узнали, что набор рассыпан, и он не печатается. Пришлось переместить его, и раньше печатать сборник об искусстве. Причина была нам неясна. Набрали вторично, и история повторилась. Тогда я поняла, что дело в моем предисловии и что нельзя так напирать на 1892 год, так как выходило, что Ленин вступил в борьбу с народничеством позднее Плеханова.

Я пошла к редактору Домрачеву и предложила ему, ради спасения сборника, не печатать мое предисловие. Вместо него я обещала дать небольшие вводные справки отдельно к каждой публикации. Мое предположение оправдалось, и сборник вышел в таком виде. Конечно, это была беспредельная глупость и ханжество. Никак эта дата не умоляла Ленина и не возвеличивала Плеханова. К тому же статья в свое время не была опубликована, никто о ней не знал, в деле пропаганды марксизма она никакой роли не сыграла. Но весь этот эпизод для тридцатых годов был очень показателен.

Наши сборники выходили небольшими тиражами, так как они ориентировались не на массового читателя. Но среди избранных читателей, особенно плехановедов, они пользовались большой популярностью и одобрением. Рецензии, обязательно отмечавшие появление каждого вновь вышедшего сборника, были всегда положительные. Мелкие недочеты, конечно, были, но существенного значения это не имело. Никаких серьезных идеологических и фактических ошибок, очевидно, у нас не было. Притом фактический комментарий редакция оставляла в основном на нашей совести, и никакого проверочного аппарата, контролировавшего каждое наше утверждение, какой появился в последние годы, в издательстве тогда не было.

Попутно с подготовкой сборников мы не прекращали работы над созданием научного аппарата. Штат Дома пополнился новыми сотрудниками, не принимавшими, однако, участия в литературной работе. Время от времени дирекция Библиотеки присылала нам не то чтобы в подмогу, а скорей для контроля и собственного спокойствия какого-нибудь квалифицированного партийного работника. Но он, не будучи в курсе нашей, давно налаженной работы и чувствуя себя чужеродным телом, скоро исчезал с горизонта. Исключением был историк Малышев⁹, который сумел включиться в наш коллектив и отлично обработал хранившийся в Доме архив бывшего большевика, а затем оборонца Любимова¹⁰. Был еще один, не слишком грамотный, но очень рьяный контролер, который порой явно провоцировал нас, подыскивая, видимо, материал для обвинения нас в меньшевизме. Этот ярлык вообще охотно приклеивали Дому и нам, его сотрудникам, поскольку мы имели дело с Плехановым. Оснований для этого никаких не было, но с этим никто не считался. Того же мнения, по-видимому, были и органы государственной безопасности, что стало для нас очевидным значительно позднее.

Несмотря на эти беспочвенные оценки и страхи, дирекция Библиотеки ценила нашу работу. Выходившие под ее фирмой сборники были существенным вкладом в ее издательскую, не слишком обширную деятельность. Выступая с очередными отчетами перед собранием служащих, директор Вольпер¹¹ говорил примерно: «Ну, на этом участке все благополучно, работают не покладая рук». И все. В подробности он не входил, да и не знал их.

Обособленное существование Дома, литературно-издательская и научно-исследовательская работа, которая в нем велась, получение сотрудниками литературного гонорара наряду с зарплатой, ставили нас

как бы в привилегированное положение по сравнению с остальными сотрудниками Библиотеки. Это удачно выразил один из ответственных работников Библиотеки Басов¹² в шуточной формуле: «Дом Плеханова — это иностранная концессия на территории ГПБ».

Работать с Розалией Марковной было не очень легко. Начать с того, что она болезненно реагировала на отрыв от нее материалов архива. Я имею в виду чисто физический акт уноса рукописей для обработки из ее квартиры хотя бы только в архивную комнату, где мы работали.

Квартира ее была расположена во втором этаже, а сейфы, где хранились материалы, — в первом. Часть материалов она держала вблизи от себя, в бюро, стоявшем в «кабинете Плеханова». Это мешало нам вывезти все материалы, обработать их и привести все рукописное имущество в надлежащий порядок. Тогда я решилась на революционный шаг и в один прекрасный день, без ее ведома, забрала все, что было в этом бюро, и перенесла вниз. Она была возмущена, огорчена, но ничего поделать уже не могла, только с полуулыбкой не раз напоминала мне об этом «разбойничьем налете» и в душе, вероятно, не прощала его.

Другим моментом, осложнявшим работу с ней, была преданность не только Плеханову, но и его старым друзьям, особенно основателям группы «Освобождение труда». Всякое расхождение с ними Плеханова она переживала болезненно. Известно, что первые тенденции к ликвидаторству, к подмене подпольной партии легальными организациями, Плеханов уловил еще в 1908 году, в среде редакторов зарубежного меньшевистского журнала «Голос социал-демократа». Как один из редакторов и сотрудников этого журнала он вступил в жестокую полемику с остальными членами редакции — Аксельродом, Мартовым, Даном и другими. Poleмика эта велась в письмах, и за пределы личной переписки разногласия не выносились. Однако широко известен стал факт разрыва Плеханова с «голосовцами» после его официального выхода из редакции журнала. Этот акт положил начало сближению Плеханова с Лениным на почве борьбы с ликвидаторством и его сотрудничеству в большевистских периодических изданиях. Переписка Плеханова с «голосовцами» сохранилась почти полностью в его архиве, переписка очень интересная и важная для характеристики позиции Плеханова в период его сближения с Лениным.

Я предложила Розалии Марковне опубликовать ее, снабдив надлежащим предисловием и комментарием. Она категорически воспротивилась этому. Для нее этот конфликт с друзьями и единомышленниками был чем-то вроде семейной ссоры, и на публикацию переписки она смотрела, как на вынесение сора из избы. Так до сих пор эта переписка остается неопубликованной, и только возможно через несколько лет она будет напечатана в одном из очередных сборников «Литературное наследие Плеханова»¹³. Не давала она для печати и писем к ней Георгия Валентиновича. Но это было более понятно. Ее всегда возмущало бесцеремонное подчас обращение с интимными документами, относящимися к личной жизни выдающихся деятелей. Она не раз говорила нам, что до ее смерти личная переписка с Георгием Валентиновичем публиковаться не будет. В виде исключения она разрешала иногда печатать в отрывках некоторые — очень немногие — письма, имевшие общественное значение. Однако, Лев Григорьевич Дейч, старый друг, уговорил ее как-то дать письма Г. В. относящиеся к 1894 году, написанные им из Лондона, куда он выехал после изгнания сперва из Швейцарии, а потом и из Франции.

Дейч передал нам эти несколько писем, переписанных на машинке¹⁴. Это были замечательные письма. В них Плеханов раскрывался с

совершенно неожиданной стороны. Всегда собранный, сдержанный, застегнутый на все пуговицы, он здесь обнаруживал необычайную душевную теплоту, громадную любовь и верность по отношению к Розалии Марковне. И это на четырнадцатом году брака! Вообще это были отношения, достойные стать темой красивого романа. Вся трудная, большая, творческая жизнь его прошла рядом с ней - другом, товарищем и даже опорой. Потому что она, как врач, вела неустанную борьбу за его жизнь - он с молодых лет болел туберкулезом, от которого и умер уже в России, - и она же, в значительной степени, освобождала его в трудное время от материальных забот¹⁵.

После его смерти Розалия Марковна остаток своей жизни решила посвятить увековечению его памяти. Отказавшись от своей специальности, расставшись с любимыми дочерьми и внуком, она окончательно переселилась в СССР. К чести ее надо сказать, что, несмотря на обидное отношение к Плеханову, на критику, непризнание, недооценку его заслуг, она приняла Октябрьскую революцию, многим восхищалась, многое одобряла и всем горячо интересовалась. Она очень много читала. Всегда ее можно было застать с очками на носу, если не за столом Плеханова, привезенном ею из-за границы, за чтением рукописи (причем страницы после ее работы надо было все переключивать в обратном порядке), то в его же кресле за чтением газет, советских или французских («Humanité» или других, которые она выписывала), или серьезных научных журналов («Под знаменем марксизма», «Летописи марксизма» и других) или реже, какого-нибудь романа. Ей было в это время больше семидесяти лет, и была она не очень здорова. Это не мешало ей каждое утро делать гимнастику и отправляться в любую погоду на прогулку. К сожалению, в районе Красноармейских не было тогда ни одного сада или хотя бы сквера, так что ей приходилось просто ходить по улицам. Но она никогда ни на что не жаловалась. Жизненные перипетии приучили ее к выносливости, и вообще, это был человек твердого характера и сильной воли. Все удары судьбы она встречала со стиснутыми зубами. Но наряду с некоторой сухостью и сдержанностью было в ней временами особое обаяние. Может быть, это была светскость, приправленная немалой дозой демократизма. Очень хороша была она на своих «приемах» - на масляницу, на пасху, в годовщину Казанской демонстрации и первого выступления Плеханова. В эти дни, а то и просто без всякого повода, она принимала своих друзей. Среди них были очень интересные люди - Евгений Викторович Тарле, его сестра Тарновская, большая умница, Щепкина-Куперник, готовая в любой момент сочинить к случаю изящные и остроумные стихи, скульптор Гинзбург, создатель прекрасного бюста Плеханова, установленного на его могиле на Волковом кладбище.

Обычно Розалия Марковна приглашала на эти приемы и нас троих. По-своему нарядная, просто, скромно и изящно одетая, приветливая, отлично владеющая светским талантом занять гостей интересным разговором, объединить их общей темой, любящая и понимающая шутку, она пересыпала свою речь привычными ей французскими словечками. Притом все было просто, по-домашнему уютно. Думаю, что ее друзья любили бывать у нее. Помню, как сидевшая рядом со мной Щепкина-Куперник аппетитно, по-московски, уплетала масляничные блины. Хозяйка Розалия Марковна была никудышная, не в ее это было стиле. Устраивали все ее сестра и домработница.

Из нас троих самой близкой к Розалии Марковне была Татьяна Зиновьевна. По натуре своей более мягкая и семейственная, чем мы с

Аделию Семеновной, она относилась к Розалии Марковне с нежной заботливостью дочери. У меня же и у Адели Семеновны отношения были очень хорошие, но более официальные.

Время от времени Розалия Марковна ездила в Париж повидаться с дочерьми. Старшая Лидия - врач, замужем за французом, тоже врачом. Они работают в собственном санатории для нервных больных, находящемся в предместье Парижа, в бывшем имении Шатобриана. Там обычно и жила в свои приезды Розалия Марковна, наслаждаясь не только близостью горячо любимой семьи, но и чудесным живописным парком, в котором расположен санаторий.

Вторая дочь, Евгения - литературовед, специально изучившая русский язык и сделавшая много для ознакомления французских читателей с произведениями Плеханова, ряд которых вышел в ее переводе¹⁶. Муж ее журналист, сын - дипломат. Обе дочери родились, выросли, учились за границей и, хотя они говорят по-русски, но с акцентом настоящих французенок. Тем не менее все, что делается в Советском Союзе, их живо интересует. Два или три раза они приезжали в Советский Союз при жизни Розалии Марковны, один раз с внуком. В последний раз они были у нас в прошлом году¹⁷. Обе очень милые, скромные, деликатные.

После смерти матери переписку по делам Дома вела со мной Евгения Георгиевна. Все, что касается отца, их очень интересует и трогает. Поэтому их естественно огорчает, что Дом с уходом старых сотрудников стал им как бы чужим. Они помнят, как верила нам Розалия Марковна, как полагалась на нас, зная, что мы работаем с душой, с вдохновением. [...]

К архивной работе Лев Григорьевич [Дейч] относился, по-моему, с некоторым презрением, как к трюкачеству. Соответственно с этим и к публикации архивных материалов он подходил довольно легкомысленно. Так, он печатал в сборниках «Группа «Освобождения труда»» письма Веры Ивановны Засулич к Плеханову¹⁸. Надо сказать, что Вера Ивановна была в жизни очень небрежна и неряшлива. Ее письма написаны крайне неразборчиво, и почти всегда в них отсутствуют даты. Между тем письма ее представляют большой интерес для истории нашего революционного движения, для истории партии, для личной ее характеристики и для характеристики ее взаимоотношений с Плехановым. Кроме того, стиль этих писем очень своеобразен и оригинален, характерный стиль Засулич.

Публикуя эти письма, Дейч произвел работу по их датировке, но сделал это так поверхностно, что рецензент, видный архивист Николаевский, подверг его публикацию жестокой критике в журнале «Летописи марксизма»¹⁹. Он дал там ряд цифр, означающих, с его точки зрения, правильный порядок писем, который имел примерно такой вид: 5, 1, 12, 7, 20 и т. д. (порядковые номера публикации Дейча). Это небрежное отношение проявлял Лев Григорьевич и к своему собственному архиву. Не раз он предлагал мне заняться приведением его в порядок, но я, конечно, не могла бросить Дом Плеханова и переехать в Москву. Позднее эту работу проделал уже после его смерти Центрархив, где одно время находились его рукописи²⁰.

Организаторские способности Льва Григорьевича, совершенно не проявлявшиеся по отношению к такому незначительному с его точки зрения делу, как содержание в порядке своего архива, находили применение в делах более широкого масштаба. Это знали и ценили его товарищи. Завести связи, наладить транспорт литературы, из-под земли раздобыть до зарезу нужные деньги - это он умел лучше, чем кто-либо другой. Поэтому так чувствителен был его арест для молодой

группы «Освобождение труда», поэтому так нужен он был и в организации «Искры» и «Зари», в которую вошел по возвращении из Сибири. В 1907 году в Лондоне состоялся пятый съезд РСДРП. Он так затянулся, что делегаты сели на мель и не могли выехать в Россию из-за полного отсутствия денег. И вот Дейч, раздобыв с невероятным трудом большую относительно сумму, убедил какого-то англичанина одолжить ее под гарантию Ленина и Плеханова. Кстати сказать, англичанин, давший деньги, много лет не мог добиться их возврата, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве Дейча переписка²¹.

Меньшевизм Дейча и других членов группы «Освобождение труда» явился причиной недооценки их заслуг в деле распространения марксизма в России. В 1933 году исполнилось пятьдесят лет со дня основания группы. Решено было устроить большую выставку материалов Дома Плеханова в громадном лекционном зале Вольно-экономического общества. В подмогу нам Библиотека командировала несколько квалифицированных сотрудников, имеющих опыт устройства и оформления выставок. Мы разворошили весь архив и дали очень много интересных рукописных материалов, характеризующих разные этапы литературной деятельности Плеханова. Были тут и первые издания его работ, книги с его заметками на полях и книги с дарственными надписями Энгельса, Лафарга, дочерей Маркса, Карла Либкнехта, Благоева и других. Был большой иконографический материал. Естественно было дать место и другим членам группы, поскольку это был ее юбилей. Но начальство разрешило отвести для всех четырех членов группы (Аксельрода, Засулич, Дейча, и Игнатова) одну крошечную витрину. Дейч, который в это время был как раз в Ленинграде, тяжело переживал эту несправедливость, возмущаясь дирекцией Библиотеки. Но вся эта история кончилась тем, что показ выставки вообще был запрещен представителями горкома, и весь труд пропал даром. Это же были тридцатые годы, и всякое возвеличивание Плеханова и его группы казалось опасным. Примерно такая же участь постигла и другие выставки, которые мы устраивали в выставочном зале Дома. Теперь, конечно, положение изменилось, и на дверях Дома висит даже объявление о часах посещения постоянной выставки, на которой побывало немало народа. Это объясняется изменившимся отношением к творчеству и значению Плеханова, проявившимся особенно ярко в его юбилейные дни несколько лет тому назад²².

Последние встречи мои с Львом Григорьевичем произошли незадолго до войны. Уже очень старый, весь белый, худощавый, он был юношески прям и строен; много и быстро ходил. Всем интересовался, был мил и приветлив. В 1941 году они все трое эвакуировались из Москвы²³. Он не вынес этой поездки и умер вскоре после приезда на место. Розалии Марковны не было в это время в Ленинграде. В 1939 году, когда в воздухе уже явно чувствовалось приближение военной грозы, она, опасаясь быть отрезанной от своей семьи, уехала в Париж. Это был последний пароход, уходивший из ленинградского порта за границу. Только ее имя обеспечило ей место на этом пароходе. Она была там единственной пассажиркой и пользовалась со стороны капитана и команды исключительно внимательным и почтительным отношением. Мы с грустью провожали ее, не зная, но предчувствуя, что больше никогда ее не увидим. Первое время она была уверена, что вернется, но когда началась война с Советским Союзом, уверенность ее поколебалась. Все же до последней минуты она обманывала себя надеждой, что ей удастся завершить дело своей жизни. Она страстно рвалась в Ленинград, горячо интересовалась всем, что связано было с Домом, его жизнью и работой, с публикацией рукописей Георгия

Валентиновича. Мы писали ей подробнейшие письма, держали ее в курсе, старались успокоить, когда у нее возникали какие-нибудь сомнения или тревоги. К сожалению, когда кончилась война, она уже так плохо себя чувствовала, что не могла думать о поездке ни морем, ни на самолете.

Наша связь с ней не прерывалась до последнего дня ее жизни, не считая перерыва в два-три года. В первые годы войны СССР с Германией и оккупации Парижа о переписке не могло быть речи. Но позднее неожиданно мы увидели как-то конверт с адресом, написанным незнакомой рукой, и французский обратный адрес, но не парижский. Вскрыв письмо, мы с радостью узнали такой знакомый и хоть не очень разборчивый и красивый, но близкий для нас почерк Розалии Марковны. С тех пор до конца войны переписка шла круглым путем, через неоккупированную зону Франции, где очутилась Евгения Георгиевна. Ее сын был в войсках, а муж в Сопротивлении. Письма из Парижа она получала с оказией и пересылала нам. Последние письма, написанные Розалией Марковной почти накануне смерти свидетельствовали об ее угасании.

Умерла она в возрасте около 90 лет²⁴. На фотографии, присланной нам Евгенией Георгиевной, она выглядит, хоть и старой, с лицом изборожденным морщинами, но с тем же гордым, непреклонным выражением, какое мы всегда знали. На снимке она держит в руках газету и читает. Эта фотография могла бы служить образцом человека, сохранившего до конца дней, несмотря на глубокую старость, свой интеллект и душевную силу. Розалия Марковна не могла вернуться в Ленинград живой, но вернулась после смерти. Она завещала захоронить свой прах на Волковом кладбище рядом с Георгием Валентиновичем. Остаться с ним навсегда - таково было ее последнее желание. В этом не было ни тени религиозности - она же была атеисткой. Но тем трогательней была эта потребность не разлучаться со спутником всей жизни и за последней чертой у такой сдержанной, даже как-будто суховатой женщины. Дочери исполнили ее волю, прислали урну с прахом, и она была захоронена без всяких церемоний, даже чересчур скромно, под памятником Георгию Валентиновичу, на котором выгравирована им самим продиктованная надпись из Шелли «Он слился с природой» (He is made one with nature).

Примечания

¹ Махлин Д. С. (даты жизни не установлены) - библиотекарь-архивист, библиограф. В ПБ, в ДП работал с 1928 по 1930 г. Вместе с Р. М. Плехановой проводил предварительный разбор плехановского архива, руководил работами по инвентаризации и каталогизации книг личной библиотеки Плеханова. Принимал участие в подготовке к печати первого сборника «Литературное наследие Г. В. Плеханова».

² Лукашевская Т. З. (1891-1965) - библиотекарь-архивист. В ДП, с перерывом на время эвакуации (1942-1944), работала с 1929 по 1950 г. Занималась разбором и описанием рукописей плехановского архива, обработкой эпистолярного наследия Плеханова, созданием картотек и указателей. Провела каталогизацию материалов архива Л. Г. Дейча. Участвовала в работе по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне».

Волина-Полоцкая А. С. (1880-1944 или 1945) - переводчик, библиотекарь-архивист, библиограф. Занималась литературными переводами, сотрудничала в журналах «Современный мир», «Русское богатство», «Русская мысль», в издательствах «Универсальная библиотека», «Просвещение», «Сеятель», «Мысль», «Петроград» и Госиздате. Переводила Г. и Т. Маннов, П. Милля, Я. Вассермана. В ПБ работала с перерывом с 1922 по 1938 г., в ДП с 1929 по 1938 г. Занималась разбором плехановского архива, подготовкой рукописей к

печати (расшифровка текстов, перевод, составление комментариев и указателей). Принимала участие в создании каталогов и указателей к архивному фонду и составлении библиографий произведений Г. В. Плеханова.

³ *Белинская А. А.* (1905-?) - историк, библиотекарь. В ПБ работала с 1929 по 1931 г. и с 1944 по 1972 г.

Вейзагер Ф. М. (1905-?) - библиотекарь. В ПБ работала с 1928 по 1930 г.

В 1930 г. они были командированы в ДП для проведения библиотечно-технической обработки и каталогизации книг личной библиотеки Плеханова. Руководила их работой *Крыжановская Н. А.* (1895-?) - филолог, библиотекарь. В ПБ работала с 1925 по 1935 г. В марте 1935 г. арестована и сослана в Оренбург.

⁴ Справочный аппарат ДП - это система планомерно организованных, взаимосвязанных, дополняющих друг друга и постоянно пополняемых каталогов и картотек, важнейшим назначением которых является многоаспектное раскрытие фондов ДП и информации о жизни и деятельности Г. В. Плеханова. Начало работ по их созданию было положено одновременно с началом обработки фонда, основой послужили записи в тетрадях, выполненные Р. М. Плехановой в течение 1920-х гг., когда она проводила предварительное описание архива и библиотеки мужа. В 1929-1930 гг. был составлен подробный план каталогизационных работ ДП, и с этого времени начинается работа по обработке и каталогизации фондов личной и подсобной библиотек, по собиранию библиографии, посвященной жизни и деятельности Г. В. Плеханова.

Особую значимость представляют алфавитный каталог книг и периодических изданий личной библиотеки Плеханова, снабженный предметно-тематическим указателем его помет на книгах, картотека «Плехановиана», картотека публикаций трудов Плеханова. Ведется их текущее и ретроспективное пополнение.

⁵ Период, о котором пишет Е. С. Коц, действительно ознаменовался пересмотром взглядов на теоретическое наследие Г. В. Плеханова. Двадцатые годы были отмечены всплеском интереса как к изучению жизни и деятельности, так и к анализу его взглядов на философию, экономику, искусство и литературу. Этому было посвящено много отдельных изданий и публикаций в журналах «Былое», «Каторга и ссылка», «Под знаменем марксизма», в которых Плеханов рассматривался не только в качестве ученика, но и непосредственного продолжателя дел К. Маркса и Ф. Энгельса: 1930-е гг. стали тем рубежом, после которого плехановедение стало развиваться под лозунгом «За ленинскую критику взглядов Плеханова». В октябре 1930 г. состоялось заседание президиума Коммунистической академии, где были отмечены ошибки, проявленные в недооценке ленинского этапа марксистской философии, и, тем самым, сформулированы новые пути к изучению плехановского философского наследия (См.: О разногласиях на философском фронте // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 40-41. С. 12-164; № 42. С. 20-89.). Исследователи, чьи методологические взгляды формировались на основе воззрений Плеханова (А. Деборин, В. Ф. Переверзев и др.), подвергались критике, другие (В. А. Ваганян, Б. И. Горев), были репрессированы. Подробнее см. об этом: Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.-Л., 1963. С. 5-8; Филимонова Т. И., Аркушенко Т. А. Актуальные проблемы изучения литературного наследия и деятельности Г. В. Плеханова // Плехановские чтения, 30-31 мая 1988 г. Тез. докл. Л., 1988. С. 24-28.

⁶ *Добраницкий М. М.* (1882-1937) - дипломат. Член РСДРП, меньшевик, участник V съезда партии. Директор ПБ с 1930 по 1936 г. Погиб в годы репрессий. Посмертно реабилитирован.

⁷ Всего было опубликовано 8 сборников. См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб.1 - 8. Ч.1 / Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Дом Плеханова. М., 1934-1940.

⁸ *Иовчук М. Т.* (1908-1990) - чл.-корр. АН СССР (1946). Основные научные труды посвящены истории русской философии, методологическим проблемам истории всемирной философии, истории марксизма-ленинизма. Работа по редактированию сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова» была началом его творческого сотрудничества с ДП, получившего особое развитие в 70-80-е гг. Так, в соавторстве с Ириной Николаевной Курбатовой, научным сотрудником, а впоследствии зав. ДП, была написана монография «Плеханов», вышедшая в 1977 г. в серии «Жизнь замечательных людей», и ряд статей. В

«Плехановиане» отражены 44 работы М. Т. Иовчука, посвященных в целом или частично деятельности Г. В. Плеханова и его философским взглядам. О работе М. Т. Иовчука в области истории отечественной философии рассказывается в статье З. А. Каменского «"Философской энциклопедии" 25 лет» (Вопросы философии. 1996. № 1. С. 164-166).

⁹ Малышев А. И. (1902-?) - историк. Работал преподавателем в Ленинградском отделении Коммунистической академии. В ПБ в ДП работал по совместительству с 1931 по 1933 г. в должности заместителя заведующего. Исполнял административные обязанности. Принимал участие в подготовке к изданию сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова».

¹⁰ Любимов А. И. (1879-1919) - социал-демократ, один из членов московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Во время Первой мировой войны занимал оборонческие позиции, входил в группу «Единство». В ДП фонд поступил в 1928 г. от Л. Г. Дейча, у которого он хранился после смерти Любимова. (АДП. Ф. 1099. Ед. хр. 361. Хронологический охват фонда: 1909-1919).

¹¹ Вольпер А. Х. (1894-1970) - историк. Член РСДРП с 1912 г. В ПБ работал с 1936 по 1944 г. (1936-1941 - директор, 1941-1944 г. - зав. отделением, эвакуированным в Мелекес).

¹² Басов Н. П. (1892-1974) - юрист, библиотековед. Член РСДРП с 1910 г. В ПБ работал с 1933 по 1957 г. в должности заведующего Отделом фондов и обслуживания, затем - Информационно-библиографического отдела. В период, о котором пишет Е. С. Коц, исполнял обязанности зам. директора Библиотеки.

¹³ Трудно сказать, какие именно письма имела в виду Е. С. Коц. В архиве Г. В. Плеханова хранятся письма Ю. О. Мартова, А. Н. Потресова, А. С. Мартынова, относящиеся к периоду сотрудничества Георгия Валентиновича в «Голосе социал-демократа» (АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 545, 546, 612). Кроме того, опубликованы некоторые письма Плеханова Ю. О. Мартову (См.: Социал-демократическое движение в России: Материалы. Т. 1. М.-Л., 1928. Раздел четвертый «Эпоха «Голоса социал-демократа» и «Нашей зари» (1906-1914). Несколько писем из этого издания перепечатаны в первом томе «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова»).

¹⁴ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 70-74.

¹⁵ Р. М. Плеханова в 1875-1880 гг. обучалась в женской медицинской школе при Военно-медицинской академии, затем в 1883-1885 гг. на медицинском факультете Женевского университета. Она защитила диссертацию на тему «Лечение рака матки» и удостоилась звания доктора медицины. С 1890 г. занималась частной практикой, что имело большое значение для улучшения материального положения семьи. С 1909 г., на осенне-зимний период, Плехановы переезжают в Сан-Ремо, где Розалия Марковна устраивает санаторий для нервных больных, что также приносило некоторый доход и давало возможность обеспечить Георгию Валентиновичу спокойную обстановку для жизни и работы.

¹⁶ В ДП хранится одна из переведенных Е. Г. Бато-Плехановой работ: Plekhanov G. Introduction a l'histoire sociale de la Russie / Trad. m-me Batault-Plekhanov. Paris, 1926. XII, 160 p. (Collection historique de l'institut d'etudes slaves; № 3).

¹⁷ Дочери Г. В. Плеханова, Лидия Георгиевна Плеханова-Ле Савуре и Евгения Георгиевна Бато-Плеханова были в СССР три раза, последний в сентябре-октябре 1957 г., по приглашению Министерства культуры. Тогда же они передали в фонд ДП 47 писем, из переписки Георгия Валентиновича и Розалии Марковны.

¹⁸ Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 277-310; Сб. 5. С. 152-199.

¹⁹ Николаевский Б. О письмах В. И. Засулич к Г. В. Плеханову // Летописи марксизма. 1928. № 5. С. 78-81.

²⁰ Л. Г. Дейч умер в эвакуации в 1941 г. Архив и библиотека Дейча оставались в его квартире в Москве без надзора. В ноябре 1942 г. представителем НКВД СССР было произведено обследование архива и, на основании постановления СНК СССР от 29 марта 1941 г. о Государственном архивном фонде СССР, он был принят на хранение в Центральный гос. литературный архив НКВД СССР (АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 1098). В 1945-1946 гг. эти материалы были

1099-1000

переданы в ДП, где составили фонд 1097, включающий 1312 ед. хр. и охватывающий период 1885-1941 гг.

²¹ Деньги были взяты в долг у фабриканта Фельса. Свидетельства об этом деле можно найти в письмах Л. Г. Дейча к Ф. М. Личкус-Кравчинской от января 1908 г. (АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 220).

²² После XX съезда КПСС начался новый этап в развитии и пропаганде марксистско-ленинской теории. Это определило возрастание интереса к изучению теоретического наследия Г. В. Плеханова, особенно проявившееся в 1956 г., в дни, когда отмечалось 100-летие со дня его рождения. 16 октября 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова». 11 декабря 1956 г. в Гос. академическом Большом театре СССР состоялось торжественное заседание партийных и общественных организаций и научной общественности. В Академии общественных наук при ЦК КПСС была проведена научная сессия, в Институте марксизма-ленинизма открыта выставка. Торжественные заседания, научные сессии состоялись также во многих городах и научных учреждениях Советского Союза. В этой обстановке и началась новая страница в истории ДП. Он был открыт для посещения. В печати появился ряд публикаций, посвященных характеристике фондов ДП, его истории.

²³ Имеются в виду Л. Г. Дейч, его жена Э. М. Зиновьева-Дейч и ее дочь К. Г. Зиновьева.

²⁴ Умерла Розалия Марковна Плеханова в Париже 30 августа 1949 г. Урна с ее прахом была захоронена на Волковом кладбище в Ленинграде 13 мая 1951 г.

ISSN 0869-6322

1999

*...Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!
Ф.И.Тютчев*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

**К 200-летию
со дня рождения
А.С.Пушкина**

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivio Historico

№ 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

1999

№ 3

Выходит 6 номеров в год

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Сводки приема
И.В.Сталиным
посетителей:
1925–1928 гг.

Меморандум
«Фронта литовских
активистов»
Гитлеру

Из переписки
бывших разведчиков

Лидеры РСДРП
о Чрезвычайном съезде
НСДПГ. 1920 г.

Окончательная гибель
Всероссийского
Учредительного собрания

С.Ф.Платонов –
графу С.Д.Шереметеву:
1898–1918 гг.

Док. Архив

2003-3279/2

«НА МОЮ ДОЛЮ ВЫПАЛ СЧАСТЛИВЫЙ ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ»

Отрывки из воспоминаний Е.С.Коц*

22 июня 1941 года в чудесный солнечный день я вышла с племянником на Большой проспект. Что-то странное творилось на улице. Люди толпились у репродуктора. И вдруг слышим слова Молотова: война. В миг перевернулась вся жизнь. [...].

На службе начались занятия по противовоздушной обороне. Надо было запомнить, какой запах имеют разные ОВ [отравляющие вещества — публ.] на случай химической бомбежки. Мы зубрили — запах сена, или гвоздики, или еще какой-то, а про себя посмеивались: будет нам до того, чтобы соображать, чем он пахнет, когда это в самом деле случится! А я спрашивала у инструктора: «Ну, а если фугасная бомба, тогда что делать?». Зато инструктора по борьбе с зажигалками принес свою пользу. Не один пожар был предотвращен дежурными на крышах и на чердаках, в том числе, конечно, и вездесущими шустрými мальчишками.

Дежурили и мы на огромном чердаке дома на 4-й Красноармейской, предварительнo засыпав его пол песком. Всюду стояли теперь бочки с водой и песок — на всех пролетах лестниц, ну и конечно, огнетушители. В защите нашего «объекта» мы объединились с соседним филиалом Публичной библиотеки, помещавшемся в здании Вольно-экономического общества²⁵. Кроме дежурств, в наши обязанности входило затемнение всех окон, для чего надо было сделать шторы из черной бумаги. В этой работе нам очень помог единственный мужчина нашего коллектива — Климович²⁶. Всего нас работало в Доме тогда шесть человек. Адели Семеновны среди нас уже не было. Еще до отъезда Розалии Марковны она выбыла из нашего коллектива, к большому нашему огорчению. После тяжелого воспаления легких у нее сделалась гангрена, которая перешла на ногу. Ей отняли ногу выше колена, и она, хоть и выжила, но осталась инвалидом, притом инвалидом, обреченным на неподвижность. То ли возраст, то ли слабый организм был причиной, но она не научилась ходить на протезе и почти все время лежала. Мы старались скрасить ее существование и помочь ей материально, придумывая для нее всякие ненужные работы, без которых вполне можно было обойтись. Но они как-то связывали ее с нами, прежней ее интересной и содержательной жизнью.

В литературно-издательской нашей группе с ее уходом остались мы вдвоем с Татьяной Зиновьевной, и последний сборник, вышедший в

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 1998. № 2.

свет, был сделан уже только нами и без участия Розалии Марковны. То же и следующие три, еще неопубликованные до сих пор сборника²⁷.

В начале войны в коллектив Дома, кроме нас двоих, входили новые сотрудники — упомянутый выше Климович, работавший над «плетано-вианой» и Купреянова, приводившая в порядок хаотический архив Розалии Марковны. Еще были двое старожилы — отличная машинистка Евгения Эростовна Семенова, самый близкий из нас друг Розалии Марковны, работавшая в Доме со дня его основания, и уборщица Полина Александровна Иванова, или попросту Поленька, как мы ее звали, т. к. состояли с ней в самых дружеских отношениях²⁸.

Дом расположен был в военном отношении очень неудачно. В районе Красноармейских, о чем свидетельствует самое название улиц, находилось много казарм, то есть военных объектов, подходящих для бомбежки. Но пока еще бомбежек не было — они начались только в сентябре. Предвидя их возможность, стали готовиться к ним. Прежде всего стали наклеивать на окна крест на крест бумажные полоски. Считалось, что они спасут стекла от удара воздушной волны. Но, увы, это был напрасный труд. С бумажками и без бумажек стекла вылетали с одинаковым успехом. Затем в домах оборудовались бомбоубежища, а в садах, на площадях и в скверах рылись щели, которыми, правда, очень мало кто пользовался из застигнутых налетом на улицах.

В это же время началась эвакуация населения. Город пустел. [...].

На вокзале эшелоны с отъезжающими стояли на разных путях и простаивали по несколько дней. Люди успевали несколько раз съездить в город и вернуться обратно, а их эшелон все стоял. Ехали целыми семьями со всяким домашним скарбом, как настоящие переселенцы. Некоторых все же хватало на то, чтобы принять какие-то меры для охраны своего остающегося в Ленинграде имущества. Делали опись в присутствии управдома. Другие в панике бросали все на произвол судьбы. И, конечно, потом не могли себе этого простить, возвращаясь на пустое место. Опись, хотя и не вполне, гарантировала от расхищения, но во многих случаях спасала, если не все, то часть оставленных в квартире вещей и обстановки. Наши уехали, очертя голову, ни о чем не думая и, конечно, потеряли все. Нельзя было рассчитывать на то, что мы, остающиеся в Ленинграде, сможем предотвратить расхищение этих, так называемых «бесхозных» вещей. Правда, трудно было тогда предвидеть, в какое положение попадем мы сами, и будет ли это в наших силах, да и до того ли нам будет, когда над нами каждую минуту висела смерть. Какое значение имели вещи, когда каждый день мы узнавали о новых ужасах, о погибших и искалеченных при бомбежках и обстрелах, об умерших от голода, да и сами еле передвигали ноги.

Эвакуация населения действительно скоро прекратилась, и эта первая партия наших знакомых и друзей выехала чуть не с последними эшелонами. Позднее, уже в 1942 году, эвакуация возобновилась, но тогда она проходила в более опасных условиях. Город был окружен вплотную, и связь с «большой землей» поддерживалась по единственной ниточке, знаменитой ладожской трассе, получившей чудесное название «дороги жизни». Ехать приходилось либо по льду зимой, либо на баржах весной и летом, а озеро гитлеровцы беспощадно бомбили. Но другого выхода не было — уезжали люди, уже обреченные на смерть от

голода, в последней стадии дистрофии. Здесь верная смерть, там — какой-то шанс на спасение. И многие шли на риск и выигрывали жизнь в этой страшной игре.

Бомбежки начались в первых числах сентября. Чуть ли не сразу немецкие летчики одержали большую победу — они разбомбили и подожгли огромные бадаевские склады продовольствия. Для них это была большая удача, для ленинградцев — настоящая катастрофа. При той ничтожной дозе продуктов, которая в течение двух с половиной лет выдавалась населению по карточкам, сгоревшие на складах продукты, вероятно, спасли бы немало людей от смерти. Особенно обидно было, что погибло много такого существенного для питания продукта, как сахар.

Дня через четыре после первых бомбежек и я получила свое боевое крещение. На службе мы объединили свои дежурства с соседним филиалом. Дежурили по очереди, по одному человеку, в их помещении, в большом вестибюле, выходявшем окнами на 4-ю Красноармейскую. Для дежурного был поставлен диван и стол с телефоном. Диван помещался у стены, примыкавшей к уборной, большое окно которой выходило в вестибюль и находилось как раз над диваном. Особенного смысла, на мой взгляд, эти дежурства не имели, разве что *post factum* дежурный должен был сообщить по телефону начальству о ЧП или о том, что ночь прошла без такового.

В ночь на 11 сентября я оставалась на дежурство. Недавно Татьяна Зиновьевна напомнила мне, что вечером того дня я позвонила ей, что у меня почему-то жуткое настроение, и я хотела бы, чтобы она приехала. Но она не могла. [...] Я осталась одна во всем здании. Вообще я не трусиха и нервы у меня довольно крепкие, но это было что-то совсем другого порядка, что-то вроде предчувствия. Итак, я сидела у стола и читала, спать еще не хотелось. Крутом стояла мертвая тишина, какая бывает ночью в большом безлюдном помещении.

Публичная библиотека направляла к нам на подмогу одного товарища из МПВО. Пришла и на этот раз девушка и отправилась вместе с пожарником на чердак. Было одиннадцать часов вечера, когда в эту тишину внезапно ворвался сокрушительный грохот, зазвенели вылетающие из рам стекла, погасло электричество. Фугасная бомба попала в дом напротив и снесла начисто флигель, примыкавший к улице. Красноармейские улицы очень узкие, так что при ничтожном отклонении угла бомба попала бы в наш дом. Чудом этого не случилось. Но в этот момент мне даже не пришло это в голову. В дежурке стали появляться люди. Первая вбежала ни жива, ни мертва девушка из МПВО. Оказалось, что взрывная волна перебросила ее через балку на чердаке, и она стремглав пустилась вниз. Она была безумно перепугана. Тогда я вышла на улицу, где работала уже спасательная команда, и свела ее в бомбоубежище в соседний дом.

Вернувшись обратно, я застала такую картину. Весь мой диван был покрыт толстым слоем стекол, вылетевших из окна уборной. Здесь я все-таки ужаснулась при мысли, что, будь это позднее, все стекла посыпались бы на меня, а ранения от стекол считались очень опасными. В это время из квартиры, которую занимал в том же здании наш пожарник с многочисленной семьей, стали приносить одного за другим

перепуганных сонных ребят. Всех их пришлось пока разместить на усыпанном стеклами диване. Происходило это при свете летучей мыши, принесенной пожарником. Я снова вышла на улицу. Там сновали люди, верней тени людей, так как нельзя было нарушать затемнение и все их действия производились в полутьме. Картина бала фантастическая и жуткая. Когда прошло первое потрясение, я позвонила в Библиотеку — не знаю только кому от этого стало легче.

Прошло несколько дней. Наш район усиленно бомбили — падали на крышу зажигалки, на чердаке валялись осколки бомб. Мы с заведующей соседним филиалом, Верой Александровной Каратыгиной²⁹, решили поговорить с дирекцией о том, что работа в этом районе представляет большую опасность. Я собрала осколки и поехала в Библиотеку. В кабинете директора собралось много народу, но его самого не было. Я стала ждать, прислушиваясь к не слишком утешительным разговорам. У всякого был в запасе случай, который он мог рассказать, — пережил ли, наблюдал сам, либо слышал от других. Наконец, зашел Вольпер, который в то время был директором Библиотеки. У него на глазах бомба снесла дом на углу Стремянной и Дмитровского переулка. [...].

Вообще люди в отношении бомбежек резко делились на две категории. Одни обязательно бежали в бомбоубежище, другие просто не выносили этого томительного сидения в толпе случайных людей — жильцов дома или прохожих, загнанных милиционером, дворником, дежурным по дому в подворотню или подъезд, — и предпочитали «искушать судьбу», оставаясь дома, или путешествуя под бомбами по улицам.

Между тем немцы все теснее сжимали кольцо вокруг Ленинграда. Они были уже в Пулковке, в пригородах — Пушкине, Павловске, Гатчине, Стрельне, а Нарвская застава стала настоящим фронтом. Естественно, что при таких условиях, мысль о возможности захвата города могла тревожить не только об эвакуации населения, но и о вывозе ценностей, которые гитлеровцы расхищали или уничтожали. Публичная библиотека, в фондах которой хранится много редких, старинных, ценнейших изданий и громадный рукописный материал, стала готовиться к отправке их в глубокий тыл³⁰. Нам, в Дом Плеханова, прислали пятьдесят ящиков. Несколько дней мы упаковывали в них самые важные материалы — все рукописи, тетради, записные книжки, письма Плеханова, все письма его корреспондентов и все по-возможности книги из его личной библиотеки. К сожалению, не все вместились в присланные нам ящики. Пришлось оставить значительную часть русской периодики — комплекты «Русского богатства» и «Современного мира» и других журналов. Приходилось выбирать. Конечно, все зарубежные издания вольной русской прессы, иностранную периодику, почти полный комплект «Neue Zeit» надо было увезти в первую очередь, но после их упаковки выяснилось, что места не хватает. Это было очень печально, потому что воинская часть, занявшая Дом через некоторое время, истребила, то ли на топливо, то ли на курево, много оставленных нами книг.

Когда все в Библиотеке и у нас было готово к отправке, встал вопрос о сотрудниках, которые будут сопровождать транспорт. Многие, конечно, охотно уезжали из ленинградского ада, тем более, что некоторым разрешено было забрать с собой свои семьи. Составилась довольно большая группа, в которую вошли, в основном, ответственные работники во главе с директором. Мне и в голову не приходило ехать. И вдруг меня вызывает Вольпер и заявляет безапелляционно, что я еду с материалами Дома Плеханова. Я пришла в ужас — ведь он, как начальство, мог не посчитаться с моими желаниями и послать меня, несмотря ни на какие возражения. Тут я вступила в бой и заявила категорически, что никуда не поеду. Он (удивленно): «Почему?» Я: «Что я там буду делать? И как я могу оставить в такой опасности мать и дочь, а сама сидеть в тылу? Он: «Сентиментальные соображения». Я: «Пусть сентиментальные, но я не поеду».

После долгих уговоров он согласился оставить меня в покое и назначил хранителем плехановских материалов очень симпатичного сотрудника Библиотеки, с интересом относившегося к нашему Дому, к Розалии Марковне — Бриллианта³¹, который обещал мне с полным вниманием и заботой относиться к нашим материалам. Местом эвакуации был избран город Мелекесс, находящийся в Башкирской ССР. Я никогда не жалела о том, что не поехала. Не говоря уже о том, что я не могла оставить своих на произвол судьбы, я понимала, что изведусь там от безделья, притом среди мало или почти незнакомых и чужих для меня товарищей. Работая на отшибе, я почти не имела связей среди сотрудников Библиотеки. Делать в Мелекессе действительно было нечего. Но именно поэтому вернувшиеся после войны материалы оказались не только в отличном состоянии (их вынимали, проветривали, делали все для их сохранности), но и описанными по всем правилам, т. е. проверенными и перечисленными с величайшей точностью, чего мы за недостатком времени не могли сделать. А товарищи, обжившись в Мелекессе, стали понемногу входить в местную жизнь и приносить населению посильную пользу³².

После отправки в тыл плехановских материалов, мы остались не у дел. Но тут нас выручила интересная инициатива заведующей соседним филиалом Каратыгиной. Это была умная и очень красивая женщина, с властным характером, отличный организатор и прекрасный работник, притом настоящий знаток библиотечного дела. Она заведовала соседним с нами филиалом местного хозяйства. В числе других работ там собирались материалы и о Петербурге-Ленинграде. Естественно было на базе этого, уже обработанного материала создать раздел «Ленинград в блокаде». Так возникла организация, поставившая своей задачей, с одной стороны, коллекционирование документальных материалов военного времени, относящихся главным образом к Ленинграду, — воззваний, листовок, плакатов, афиш и других материалов, вплоть до пригласительных билетов — с другой, библиографирование всех книг и журнальных статей, заметок и т. п. о блокированном городе и боевых действиях его защитников. Организация эта носила название «Коллекция Ленинград в Великой Отечественной войне». В нее вошли, кроме постоянных сотрудников филиала местного

хозяйства и оставшихся еще в Ленинграде плехановцев, несколько товарищей из Публичной библиотеки — всего 17—18 человек.

Нас перевели с Красноармейской в центральное здание на углу Садовой и Невского. Мы расписывали подробнейшим образом все местные ленинградские газеты и журналы и извлекали относящийся к Ленинграду материал из наиболее крупных центральных изданий. Ну и конечно, учитывали все книги о блокаде, о партизанском движении в Ленинградской области, о боевых действиях на нашем фронте.

Описания сопровождалась аннотациями во всех случаях, когда заглавие не говорило само за себя. Всю эту массу материала надо было как-то систематизировать, чтобы им можно было пользоваться. Решили создать предметно-тематическую картотеку, чем я и занялась. К концу войны получилась картотека примерно в сто тысяч карточек. Кроме нее были каталоги книг и другие картотеки. Пишу об этом так подробно, упоминая цифры, для того, чтобы было понятно, к чему приводит трусость, боязнь за свою шкуру и невежество.

После войны, когда коллекция уже переместилась снова на Красноармейскую, из Библиотеки явилось начальство и, не удосужившись даже познакомиться поближе с этой работой, вынесло «компетентное» решение уничтожить все без остатка. Объяснение было простое. На карточках, естественно, упоминались имена людей, возглавлявших советские и партийные учреждения во время блокады и немало сделавших для спасения города и его жителей. В их числе был, конечно, и Попков, ставший жертвой «культы личности». Мотивировалось же это варварское решение разумеется другим — никому, мол, не нужна эта работа. А что же раньше смотрели? Семнадцать человек, изнемогавших от голода, под бомбами и снарядами, целые годы посвятили этой работе, считая, что вносят вклад в историю, что позднее, когда отойдут в прошлое ужасы войны, люди начнут изучать героическую эпопею Ленинграда и найдут здесь ценнейший для них документальный материал. Ведь кроме нашей «Коллекции» никто такой работой не занимался. Это были уникальные картотеки. Короче говоря, приехали грузовики с мешками, свалили в них все карточки, увезли и сдали в макулатуру.

Прошло много лет, Попков и его соратники давно уже посмертно реабилитированы, историки изучают эпоху войны и, в частности, историю Ленинграда в период блокады. Они приходят за библиографическими справками в Библиотеку и получают, конечно, много меньше, чем могли бы получить, если бы сохранилась эта живая, пропитанная дыханием времени летопись.

Единственное, что уцелело из этих материалов, кроме, разумеется, самой коллекции (книг, документов, плакатов и пр.), это составленный нами (мною и Каратыгиной) библиографический указатель «Героическая оборона Ленинграда», куда вошли подобранные по темам наиболее интересные и значительные источники: книги, журналы и газетные статьи. Но и эта книга долго находилась в ссылке, в отделе спецхрана, и только после XX съезда партии вышла на свободу.

Несмотря на тяжелые условия, в которых приходилось работать в «Коллекции», бывали у нас и забавные моменты, в наш коллектив входил сейчас уже покойный Николай Иванович Кашменский³³. Это

был очень некрасивый человек, с лицом как бы вырубленным топором. Но он был не только умен и образован, но обладал поэтическим даром. Наряду с вдохновенными лирическими стихами он легко писал памфлеты и эпиграммы. Материала для этого в нашем коллективе было более чем достаточно. Начать с того, что я вечно препиралась и ссорилась с Верой Александровной. Меня раздражал ее властный характер, нетерпимость и резкость, и я не молчала. Все это происходило в одной комнате, на глазах у всех товарищей. Были и другие поводы для высмеивания. И вот Николай Иванович в стихотворной форме очень мило и незлобливо подшучивал над нами. Все его произведения того времени сохранились в архиве «Коллекции».

Однажды, когда он высмеял нас всех, верней, каждого в отдельности, и преподнес каждому на каталожной карточке его «характеристику», я не выдержала и ответила ему за всех. К сожалению, его стихов я не помню, а мое было такое:

«Согнувшись низко над столом,
Сидит и длинно мелко пишет,
А сам, не будь дурак, кругом
Что надо и не надо слышит.

Потом, собрав сырья запас,
Насмешек пули льет умело,
И, обстреляв спокойно нас,
Вновь принимается за дело».

В 1941 году стояли неслыханные морозы. За мою долголетнюю жизнь в Ленинграде, а раньше в Петербурге, я не помню ничего подобного. Город постепенно превращался в ледяную пустыню. Мало-помалу выходил из строя транспорт, трамваи стояли, вмерзшие в снег, неподвижные. Народу становилось все меньше — кто ушел на фронт, кто эвакуировался, кто умер, кто лежал и ждал смерти. А те, что еще дышали, ходили больше на тени, чем на людей. На службу приходилось идти пешком, мое путешествие с Петроградской стороны продолжалось примерно час, раньше — с Красноармейской — около двух. А выдачи по карточкам с каждым днем уменьшались. Двести грамм хлеба на целый день³⁴ и тарелка-две жидкого супа, вернее, воды, с плавающими в ней редкими крупинками. Стали искать заменители. Покупали на рынке столырный клей — уже научились различать его сорта по цвету. Варили из него отвратительный студень. Делали лепешки из дуранды. Этот продукт выдавался по карточкам на нашу собачонку-фокстерьера, зарегистрированного как породистый, в обществе охотников на Литейном проспекте. Из дрожжей делали сыр. Сейчас уже не припомню, какими «изысканными» блюдами мы питались. Каждая крошка была на учете. А тут еще почти неизбежные и, во всяком случае, очень частые потери или воровство продовольственных карточек, почти равносильные смерти. Со мной это случалось не раз. Вытаскивали, чуть ни на глазах из сумки, а то и с ней вместе, все карточки, мои, мамины и Валины [дочь Е.С.Коц — публ.], все

столовые талоны. Это была настоящая трагедия. Но как-то держались — кончался месяц, и получались новые карточки.

Между прочим, у меня было сравнительно привилегированное положение — я получала раз в месяц так называемый ученый паек, сравнительно сносный, а по тем временам, великолепный, но он хорош был бы, и то более или менее, на одного человека, а не на семью. Потом, когда выдачи пайка прекратились, стала получать карточку первой категории и дополнительную к ней, значительно лучшие, чем обычная служебная карточка и, тем более, иждивенческая.

Несмотря на все эти блага, мы с Валеи, как и остальные ленинградцы, превратились в людей двух измерений, а мама умерла от дистрофии летом 1942 года. Можно себе представить, каково было тем, кто не пользовался такими привилегиями. И самое страшное было даже не в физическом состоянии, вызванном длительным голоданием, не в слабости, не в «ватных ногах», не в отечных лицах, а в изменениях человеческой психики. Когда я вспоминаю себя и других в те дни, мне кажется, что все мы были просто ненормальные. Спасала только работа, активность, твердое решение не сдаваться, не лежать пластом, а двигаться, ощущать себя живым человеком, а не живым трупом. Многие погибали именно от равнодушия, от апатии — все становилось безразлично, даже интерес к еде пропадал. А этот интерес к еде и входил основным элементом в тогдашнюю нашу жизнь и в тогдашнюю нашу психику, которую я назвала ненормальной. О еде думали беспрерывно, о еде говорили каждые два человека при встрече, о еде не забывали ни на минуту. Это было ужасно. И первым признаком выздоровления, когда разомкнулось кольцо блокады, было как раз то, что постепенно стали разговаривать на другие темы, а затем еда и вовсе исчезла из наших бесед.

Для меня голод и его воздействие на окружающих был страшнее, чем бомбежки и начавшиеся вскоре обстрелы. Страшнее их была и вся вообще блокадная обстановка с ее темнотой, холодом, замершим водопроводом и канализацией. На улицах была абсолютная темнота — никаких фонарей, ни просвета в зашторенных окнах (за просветы платили штраф), на машинах — синие фары. Иногда пройдет человек с маленьким электрическим фонариком, направляющий его свет себе под ноги, — ну и увяжешь за этим человеком, пока ему с тобой по дороге. Некоторые все же что-то различают в темноте, я же абсолютно слепну. Только в лунные ночи было лучше, но зато в эти ночи было больше налетов. Чтобы не сталкиваться с встречными на тротуарах, стали носить на груди светящиеся бляшки.

Однажды, вернувшись поздно домой, я вошла в наш двор — парадная была наглухо закрыта, и ход был со двора. Тут начинается рассказ в духе Эдгара По. Двор у нас небольшой. Я вошла в ворота и направилась, как мне казалось, наискосок, прямо к нашей черной лестнице. Ничего подобного входу на лестницу я не обнаружила и стала метаться по двору, уже потеряв всякую ориентацию. Натыкалась на штабеля дров, которыми был загроможден двор, провалилась одной ногой в открытый люк, находившийся вблизи нашего подъезда, но двери найти не могла. Исчезла бесследно, как в страшной сказке.

В это время из второго двора появился человек с фонариком. Я окликнула его, но он не слышал или, скорей, не обратил внимания. Это тоже было в духе времени. Так продолжалось не меньше полчаса. Отчаявшись наконец попасть нормальным путем в свою квартиру, в то время уже совершенно пустую, где мы остались вдвоем с Валею, которая в ту ночь была на дежурстве, я решила прибегнуть к другому способу. Выбравшись чудом из двора на улицу, я вошла в чужую парадную, квартиры которой выходили черным ходом на нашу лестницу. В этой парадной я никогда не была и добраться в темноте до лестницы оказалось делом тоже нелегким. Но вот, наконец, перила. Надо подняться на четвертый этаж, где живут не то что бы знакомые, но знающие нас люди — инженер, жена его, врач, и две дочки. В точности расположения их квартиры на лестничной клетке я тоже не знала. На мое счастье, как раз в этот момент, в свою квартиру входили какие-то жильцы, и они объяснили мне, куда идти. Я стала стучать. А в то время попасть в чужую квартиру, да еще ночью, было не так-то просто. Запирались на все замки и щеколды, как в осажденной крепости, и когда после опроса убеждались, что ничего угрожающего нет, начинали звенеть и грохотать все задвижки, ключи и цепочки. Так открыли и мне, когда я себя назвала и объяснила, в чем дело. Дальше уже было просто — они проводили меня со свечой через свою квартиру и выпустили на мою лестницу. И холодная, одинокая комната, после этих жутких странствий показалась мне самым уютным уголком в мире.

От холода в квартирах спасались только «буржуйкой». Как-то Алеша [А.Т.Шакол — знакомая Е.С.Коц. — публ.] написала мне из Сталинабада:

«Наверно, вы там сидите с ногами на диванах». Она имела в виду старые добрые времена, когда, забравшись уютно с ногами на диван, мы вели с ней дружеские беседы. На это я ответила ей письмом, которое так и было озаглавлено: «О ногах и диванах». В нем я описала ей подробно наше времяпрепровождение, когда мы втроем — я, Валя и Мария Григорьевна Либерман [знакомая Е.С.Коц. — публ.], прожившая у нас долго в дни блокады, — действительно залезали с ногами на диван, закутанные во все теплое, что было в квартире, и в полной темноте или при слабом свете коптилки развлекали друг друга разговорами, воспоминаниями, чтением на память стихов и рассказов.

В этом «культурном» времяпрепровождении главная роль принадлежала Марии Григорьевне. Обладая великолепной памятью, очень приятным голосом и отчасти даже профессиональным умением чтицы, она часами занимала нас, отвлекая от тяжелых мыслей и ощущений. От нее я в первый раз услышала сказку Горького «Девушка и смерть». Стихов она знала наизусть великое множество и читала их отлично. Так обрисовала я в письме к Алеше нашу блокадную жизнь «с ногами на диванах». Очевидно, они там не очень-то хорошо представляли себе, как мы живем, потому что письмо мое произвело на нее сильное впечатление и открыло ей глаза на многое.

А между тем, знакомые мои и друзья, эвакуировавшиеся из Ленинграда, писали мне отчаянные письма. Им было так трудно, одиноко, так плохо на чужбине, что они всей душой стремились обратно и даже завидовали нам, оставшимся. Не припомню, когда я писала столько писем — ласковых и успокоительных, как в это время, в ответ на

жалобы. Одной моей приятельнице — Марии Исаевне Островской, юристу, работавшей в первые годы Советской власти со мной в Правовой секции, я написала даже, что она сможет, когда вернется, поселиться у меня. Так оно и было.

Наступила весна 1942 года. Замерзший город, похороненный под сугробами снега, просыпался. Вместе с радостью пробуждения, радостью от появления тепла и солнца это сулило ужасы. Под снегом таились настоящие клоаки, очаги заразы. Сколько времени уже не действовал водопровод и замерзли канализационные трубы. Город утопал в грязи и нечистотах. Пока была зима — это было незаметно и нестрашно. С наступлением же весны над городом нависла угроза эпидемий. И тут был дан клич: «Все на очистку города». Люди откликнулись на этот призыв — истощенные, измученные, голодные, вооружились лопатами и пошли спасать город. Чудо свершилось — все оттаяло, и никаких тифозных или других эпидемических заболеваний не было.

[...].

Теперь днем на улицах мы наслаждались — светило солнце, было тепло, к тому же, город летом превратился, если не в цветущий сад, то в зеленый огород. Надо было спастись от голода, и все включились в «огородную кампанию». Даже мы, наша группа, работавшая в «Коллекции», посадили овощи в садике, примыкавшем к зданию Вольно-экономического общества. Этот садик, совершенно лишенный солнечного света, был абсолютно непригоден для растений, но мы шли по линии наименьшего сопротивления — подходящего участка не получили, а за город ездить не было сил. В результате у нас ничего не выросло, кроме ботвы. Но самая работа на воздухе была полезна и доставляла удовольствие.

[...].

По мере приближения немцев к Ленинграду, Нарвская застава становилась уже не только фронтом, но и передним краем. Началось переселение жителей в менее опасные районы города, у нас в квартире была свободная комната. В двух жили мы, в двух — много лет жила семья инженера Усикова, а в пятой — случайные люди. Как раз в это время комната пустовала, и в нее вселили семью из трех человек — молодую женщину — жену фронтовика, с ребенком и матерью мужа. Наша квартира и то, что в ней происходило, довольно типично для того времени. Поэтому остановлюсь на ней подробно.

Здесь надо сказать, что люди очень разное вели себя в тяжелых условиях блокады. Прежде всего это относится к питанию. Одни не могли противостоять ощущению вечного голода и съедали сразу с утра весь хлебный паек и в первые несколько дней месяца — весь остальной паек, полученный по карточкам. Другие относились к этому вопросу более разумно, я бы сказала более культурно и хоть и с большим трудом, но сдерживались и старались обеспечить еду на целый день. Слово «еда» конечно тут неуместно. Но все равно, это было лучше, чем ничего. Подсушенный на буржуйке тоненький, как бумажка, ломтик хлеба, тарелка жидкого супа — смешно сказать, но многим они сохранили жизнь.

Так вот, эта вселенная к нам семья не умела жить так организованно, и результатом было то, что все они умерли. Первой умерла молодая женщина, второй — мать ее мужа, ребенок же, тоже умирающий, еще некоторое время жил в детских яслях. Очень тяжело было и в семье наших соседей Усиковых. Там было двое мужчин, а мужчины, особенно как раз здоровые, переносили голод гораздо хуже, чем женщины, и смертность среди них была очень высокая. Женщины делали все, чтобы спасти своих мужей и сыновей, порой жертвуя ради них собственной жизнью. Леонид Георгиевич (сосед) и сын его школьник Игорь были в очень тяжелом состоянии. Он все ждал эвакуации завода, на котором работал. Но дело затягивалось. И вот однажды, раздается звонок с черного хода. Валя отворяет дверь и видит двух офицеров, очень оживленных и довольных. Один из них говорит, что приехал на машине за своей семьей. А жена его в это время уже умерла, мать же лежала в комнате у Усиковых и тоже при последнем дыхании.

Валя так опешила, что не решилась ничего ему сказать и пропустила их в квартиру. Здесь он узнал о смерти жены и прожил у Усиковых три-четыре дня пока не умерла его мать. Тогда жене Леонида Георгиевича пришлось в голову, что машиной может воспользоваться ее семья — это был единственный шанс на спасенье. Она убедила офицера, и он согласился вывезти их всех четверых из города. Ребенок остался в яслях и тоже вскоре умер. Усиковы быстро собрались и уехали, поселив в своих комнатах близкую родственницу. Дальнейшая судьба этой семьи оказалась все-таки трагической. В пути у Леонида Георгиевича началась дизентерия — обычный спутник дистрофии. Им пришлось остановиться в каком-то городе и положить его в больницу. Там он и умер, почти не приходя в сознание.

Продолжаю о нашей квартире. Эвакуировались и жившие в бывшей людской мать и дочь. Уехала Мария Григорьевна. Мама умерла еще летом 1942 года. Умерла и наша домработница. Пришлось усыпить и нашу маленькую собачонку, красивого, нервного, живого фокстерьера. Он от голода стал совершенно ненормальным. Мы никак не решились умертвить его. И тут сыграла роль Мария Григорьевна, обожавшая собак и укорявшая нас за жестокость, за то, что мы даем собаке так мучиться. Наконец, Валя повела собачку через весь город на ветеринарный пункт, где ее и усыпили.

Теперь мы остались в квартире втроем, верней вдвоем, потому что с родственницей Усиковых мы совсем не общались. Валя работала на радио, я в Библиотеке, в одном с ней районе, который основательно обстреливался. Попадали бомбы и в оба наши здания, но человеческих жертв не было. После отбоя я, с замиранием сердца, звонила Вале по телефону. Вообще совершенно непонятно, как я, при моем до нелепости, беспокойном характере, могла выносить эту постоянную угрозу, висевшую над головой самого близкого мне человека. Очевидно условия жизни, привычка, неизбежность происходившего выработали какой-то иммунитет. Как ночью, под вой сирены, я могла спать, зная, что Валя дежурит в какой-то больнице — таком соблазнительном для гитлеровцев объекте бомбежки. И только на утро я бежала в жакт и звонила ей по телефону и, не получая иной раз ответа, не умирала тут же у телефона.

Между тем, все чаще среди жертв бомбежек и обстрелов стали попадаться знакомые имена. Настигла беда и семью, о которой я упомянула, описывая свои метания по темному двору, через квартиру которых я попала к себе домой. Младшая дочь, цветущая пятнадцатилетняя девочка как-то пошла в город к своей матери, работавшей в качестве врача. Та отпустила ее домой одну. Переходя Марсово поле, она попала в бомбежку. Укрыться было негде. Щели, вырытые по всему полю мало-помалу превратились в общественные уборные, особенно после того, как в городе вышла из строя канализация. Никто уже не прятался в них при бомбежках и обстрелах. Девочка получила осколочные ранения обеих ног. В больнице хирурги сказали матери, что без ампутации неизбежна гангрена. Мать ответила: «Может быть, молодой организм справится, а если нет, пусть лучше умрет». И девочка умерла через несколько дней.

Умерла попавшая под обстрел женщина-врач Казарновская, близкий друг Либерманов [друзья Е.С.Коц — публ.], лучшая его сотрудница по институту, талантливый бактериолог, член Ленинградского [городского] Совета [депутатов трудящихся — публ.]. Каждый день можно было ждать новых потерь.

Моментами в эту мрачную картину врывались забавные штрихи. Ведь, несмотря на все, люди еще не совсем разучились улыбаться. Вот, например, живая сцена. Иду как-то мимо длинной очереди у маленького магазина. На двери магазина белеет бумажка. Интересно, конечно, посмотреть, «что дают». Подхожу и читаю: «Конфет нет и не будет, а, если вам делать нечего, стойте». И что вы думаете? Стоят. Ну как тут не улыбнуться.

В блокаду мы очень сблизились с Верой Александровной Каратыгиной. Сближала нас общая работа, общие интересы. К тому же у нас с ней все время было одинаковое материальное положение — обе мы получали «ученый паек», а после его отмены дополнительные продовольственные карточки первой категории. Обе обедали в привилегированных столовых, не для всех доступных — сперва в Северном ресторане, потом в столовой Академии наук, на Васильевском острове. И всюду надо было ходить пешком. Мы шагали с ней через весь город, в зимние морозы и в весеннюю распутицу. Только в эти страшные дни блокады я как бы впервые увидела Ленинград, и никогда он не казался мне таким красивым — этот измученный, но не сдающийся город. Мы с Верой Александровной не раз любовались видом с набережной Невы у Дворцового моста, когда подходили к Академии наук. А потом чудесным ансамблем улицы Росси с Александринским театром, изрешеченным пуями. Как-то дорог нам становился этот город и не хотелось покидать его. Вопрос об отъезде не раз возникал у нас с Валею, хотя бы потому что нас настойчиво звали родные, обосновавшиеся уже к тому времени в тылу. [...] Но мы ехать не хотели. Пока была жива мама, об этом вообще не могло быть и речи, так как она бы не вынесла поездки. Но после ее смерти мы могли бы ехать. Что же этому мешало? Я очень ясно отдаю себе отчет, почему мы обе, несмотря на все, оставались в Ленинграде. Прежде всего, ехать, в сущности, было

некуда. Таких близких людей, которые жили бы постоянно где-то в тылу, были бы устроены и могли без жертв для себя надолго принять нас, в природе не существовало. Все же наши эвакуанты сами перебивались с трудом, и сесть к ним на шею мы не могли и не хотели. Все письма из тыла свидетельствовали о том, что люди мечутся и не находят себе места в жизни, теряют свое лицо. Вот этого мы больше боялись. Ведь у нас с Валеи были такие «гуманитарные» профессии, с которыми найти работу в чужом городе, особенно в городе, переполненном беженцами, было бы очень трудно, верней, невозможно. Ну, и последнее, может быть, и не самое важное, но не безразличное, — это то, что хоть и с риском, но мы сохранили здесь и крышу над головой и все свое имущество. Конечно, нам очень повезло — мы не только остались живы и целы, но даже окна в нашей квартире не были выбиты, хотя кругом все улицы были засыпаны стеклами. Объяснялось это тем, что окна наши выходили на пустырь, и деревья задерживали воздушную волну. Итак, все эти соображения, собранные на одной чаше весов, перетянули другую, где основное было — физическая безопасность, сохранение жизни.

Реакция на обстрелы и бомбежки у нас с Верой Александровной была одинаковая. Бомбоубежищ мы не любили. Но вот вспоминаю один действительно страшный случай. Мы как-то вышли с ней из Библиотеки и пересекли Невский. Не успели мы отойти от Садовой, как раздался взрыв, и [сверкнула — публ.] ослепительная вспышка — на Садовой близко от Невского разорвалась бомба. Выла сирена, налет продолжался, и бомбили именно этот район. Укрыться было негде, ни одного подъезда с открытой дверью, никакого бомбоубежища. Возвращаться в Библиотеку было опасно. Как раз в этот момент подошел и остановился около нас трамвай. Мы подбежали, я увидела номер и крикнула Вере Александровне: «Не наш номер». Она уже входила на площадку и отмахнулась: «Не все ли равно!» Мы проехали ровно одну остановку, и кондуктор заявил, что все должны слезть, трамвай дальше не пойдет. Это была обычная история. Во время бомбежек и обстрелов движение транспорта приостанавливалось, о чем даже говорилось по радио. Мне казалось это бессмысленным, так как людей высаживали на улицу прямо под бомбы и снаряды вместо того, чтобы быстро вывезти их из опасного района. Возможно, это делалось потому, что движущийся трамвай был удобной мишенью для прицела. Так или иначе, мы очутились на улице — было уже темно, мокро и грязно, до дома очень далеко. Но выхода не было. Надо было идти. Она жила на Васильевском острове, я на Петроградской стороне. И мы пошли. Сперва весь Невский, потом мосты, потом набережная — самые опасные места. Отбоя все не было. Путешествие было длинное и жуткое — полная незащищенность, почти полное безлюдье, темнота. Наконец добрались до Среднего проспекта Васильевского острова, где она жила, и только тогда раздалась приятнейшая для ушей мелодия отбоя. Пошли трамваи, и я добралась домой.

Библиотека совершенно преобразилась. Чудесные, светлые читальные залы пустовали, все кругом было заморожено, сотрудники частью умерли, частью разъехались, кто сражался на фронте, кто работал в госпиталях, кто эвакуировался. Вся жизнь сосредотачивалась теперь в

более или менее отапливаемой квартире нижнего этажа, где сейчас находится Отдел внешних работ [ныне Отдел внешнего обслуживания — публ.]. Там же жила Елена Филипповна Егоренкова³⁵, занявшая пост директора Библиотеки после отъезда Вольпера. Люди были неузнаваемы — исхудавшие, почерневшие, постаревшие, закутанные с головы до ног, и вообще какие-то странные, не похожие на себя.

Наступил момент, когда ходить пешком на службу не было уже сил. Отсиживались и отлеживались дома. И вот еще что было очень страшно. Сегодня вы видите человека, разговариваете с ним, а завтра узнаете, что его уже нет — умер, тихо, незаметно ушел из жизни, угас. Эта смертность, вернее, вымирание населения Ленинграда встревожило не на шутку центральные власти. Тогда-то, в конце 1941 года и начали функционировать так называемые «стационары», нечто вроде временных, на короткие сроки, санаториев. Они оборудовались в каких-нибудь более или менее подходящих общественных зданиях и снабжались продуктами значительно выше нормы. Пользование стационарами предоставлялось в первую голову наиболее истощенным работникам, притом, преимущественно, ответственным. Это было мероприятие, вызванное, главным образом, боязнью лишиться квалифицированных кадров.

Елена Филипповна, заботам которой я была обязана привилегированным питанием, включила меня в первую группу сотрудников, направляемых в стационар. Он был оборудован в здании Педагогического института им. Герцена. Валя и Игорь [родственник Е.С.Коц — публ.], очень опасавшиеся за мою жизнь, очень рады были этой неожиданной возможности если не восстановить, то хотя бы поддержать мои силы. Мы отправились с Валею под вечер, пешком, вещи везли на детских санках. Добрались до Института, вошли во двор и не знаем, куда идти дальше. И вдруг увидели в полутьме людей, которые шли цепочкой один за другим. Впрочем, это были не люди, а призраки — какая-то жуткая процессия, шествие теней, как в символических постановках пьес Метерлинка. Эти закутанные, сторбленные, еле передвигающие ноги призраки, как я сразу почувствовала, и были наши библиотечные сотрудники, направляющиеся в помещение стационара. Мы пошли за ними. В большой комнате, с рядом параллельно стоявших кроватей, было тепло и светло, но оказалось, что еще не все организовано к прибытию первой партии — не завезены продукты. Валя посидела и ушла. Часов в 11 вечера все наладилось. И вот — неслыханное чудо — нам приносят по глубокой тарелке горячей гречневой каши. Нельзя себе представить — не гречневую кашу, конечно, а то, что для нас она значила. Думаю, что все деликатесы, которыми угощали Хрущева на завтраках и обедах в Америке³⁶, не выдержали бы сравнения с этой тарелкой гречневой каши. Да еще с маслом и с добавкой при желании. За этим последовал портвейн, плитка шоколада и уж не помню какие еще фантастические события. Началась необычайная жизнь. Мы целые дни лежали, читали, и нам приносили еду три раза в день. Конечно, мучила мысль о домашних. Когда Валя приходила навестить меня, я давала ей сбереженные для дома продукты — шоколад, сахар, блокадный жир-гусалин. Все это блаженство было зафиксировано на десять дней, а оборвалось на день раньше. Пришлось

мне самой тащиться через весь город со своими санками. Когда я вошла в квартиру, меня охватил ужас. За время моего отсутствия все изменилось. Картина была такая: все лежат, комнаты неубраны, стоит какой-то незнакомый большой сосуд с водой. Что-то странное, очевидно, произошло. Выяснилось, что замерз водопровод, что сегодня не выдали из-за этого даже обычный ничтожного хлебного пайка, и что домработница весь день бегает по булочным и стоит в очередях. К счастью, я захватила с собой немного хлеба из стационара, дала им и побежала искать домработницу и сменить ее, если нужно. Но хлеб выдали только на следующий день. С этого времени началась еще более трудная жизнь. Не стало воды, надо было ходить за ней на Неву. В некоторых районах были водоразборные колонки, в других — воду можно было раздобыть только непосредственно из реки.

Недавно Ольга Берггольц очень картинно описала в прекрасном очерке «Путь за Невскую заставу», какие трудности надо было преодолеть, чтобы попасть с набережной на замершую Неву и обратно по ледяному скату или, в лучшем случае, по вырубленным во льду ступенькам. Теперь на улицах появились новые жанровые картинки: санки с бидонами, кастрюлями, бутылками, ведрами и впряженные в них люди — призраки, длинные очереди на берегу и на льду у проруби, откуда черпалась вода. Я со страхом наблюдала, как Валя склонялась над прорубью, опасаясь, что бы она не упала в нее вместе с бидоном.

Откуда только брались силы у истощенных до полусмерти людей? Помню, как мы с Валею втащили на второй этаж трехметровое бревно. Или еще: однажды, придя домой, я застала потоп — вся кухня, передняя и две наши комнаты были под водой примерно на четверть метра. Диваны, столы и стулья высились над ней как острова. Вода хлестала из замершей уборной. Что было делать? Кроме нас двоих в квартире была только сестра Усиковой, которая заявила, что до ее комнаты вода не дошла, и поэтому — ее дело сторона. Домработница наша была в больнице. И вот мы с Валею ковшами, кастрюлями вычерпали всю воду, причем, каждое ведро надо было сносить с лестницы и выливать во дворе, да еще с опасностью налететь на штраф, т. к. это было запрещено. Полагалось ходить для этого через улицу, на пустырь. До сих пор не понимаю, как нам удалось справиться с этой сумасшедшей работой. Очевидно, это и есть так называемое «второе дыхание», являющееся на вырчку, когда первое пришло к концу.

Постепенно в городе почти не осталось никого из наших друзей и знакомых. [...].

Оставалась в Ленинграде и Адель Семеновна Волина, бывшая сотрудница Дома Плеханова. Ее инвалидность мешала ей куда-нибудь двинуться. А положение создавалось тяжелое — сын был арестован в начале войны и так и пропал в неизвестности, а дочь с детьми эвакуировалась. Адель Семеновна осталась одна с домработницей, которая нещадно ее обворовывала, пользуясь тем, что Адель Семеновна была прикована к кровати. Жила Адель Семеновна на Миллионной улице, в двухэтажном доме старинной постройки. У нее была маленькая, с большим вкусом обставленная квартира, с красивыми вещами, множеством русских и иностранных книг — настоящий уголок культуры. Кроме ее семьи, в квартире заняты были посторонними еще две

комнаты. Во время бомбежек все население квартиры спасалось в бомбоубежище, оборудованном в соседнем доме. Так как Адель Семеновна не могла ходить, ее оставляли одну в квартире или перетаскивали с трудом в бомбоубежище. Опасность усугублялась тем, что квартира находилась в верхнем этаже. В конце концов, ее решили просто поселить в бомбоубежище, куда народ собирался только при вое сирены. Целые дни она проводила там одна. Как-то я пришла ее навестить и узнав, что она находится в бомбоубежище, направилась туда. Это оказался огромный подвал, подземелье, с низким потолком, уставленное кроватями, и где-то, в глубине его я нашла ее — единственное живое существо во всем помещении. Было одиноко, неуютно и тоскливо.

Но все это было ничего в сравнении с более поздним моим посещением. На этот раз в бомбоубежище ее не было. Я вошла в квартиру. Началось с того, что парадная дверь оказалась открытой, как если бы в квартире никого не было. Открыты были и двери в комнаты жильцов и в ту комнату, которую занимала Адель Семеновна. Везде царил тишина, пыль и запустение. Я прошла дальше, вглубь квартиры, и очутилась в комнате, заставленной ведрами, тазами, бидонами и прочей хозяйственной утварью. Беспорядок, грязь, картина полного развала и равнодушия к человеческим условиям существования — картина, нередкая в дни блокады и говорящая о том, что живущие тут люди, если еще и живы, то не надолго. И вдруг вижу на кровати поднимается и садится какая-то незнакомая мне фигура с всклокоченными волосами. Адель Семеновна! Эта — всегда с иголочки одетая, чистая, красивая Адель Семеновна! Спрашиваю ее, в чем дело? Неужели она одна в квартире? И никто ей не помогает? Выясняется, в соседней комнате лежит с воспалением легких соседка, потерявшая мужа, что утром к ним забегает какая-то девушка и кое-как их обслуживает, а иногда и не забегает. Вот и сегодня она не пришла, и они сидят даже без хлеба. Кроме того, как раз конец месяца, и у них не получены продовольственные карточки. Чем помочь? Ясно, что так жить нельзя, надо перебираться в больницу или, лучше в дом инвалидов, на улице Смольного. Оказывается, какие-то ее знакомые уже хлопочут об этом — не так-то легко туда попасть. Я обещала со своей стороны помочь в этом, если удастся, а пока что сбегала в жакт за карточками и принесла их паек. Ушла я отсюда с тяжелым сердцем. Через некоторое время узнала, что Адель Семеновне удалось устроиться в Дом инвалидов. Навещая ее там изредка, я с грустью наблюдала, как постепенно угасает, если не ее интеллект, то интерес к чему-либо, кроме мелочей окружающей жизни. Даже читать она перестала — затемнение, плохое освещение, а потом пропала и тяга к книге, физическая жизнь еще продолжалась, духовная замирала. Да и ничего удивительного в этом не было. Условия были тяжелые — полуголодная диета, полная неподвижность и кругом, в этой огромной палате почти сплошь некультурные люди, притом инвалиды: одни — прикованные к постели, другие — почти лишённые интеллекта, третьи — в состоянии крайнего нервного возбуждения, и лишь несколько человек на всю палату, с которыми можно было нормально общаться. А тут еще гуманные нововведения — у всех отняли казенное белье и одеяла: пусть пользуются своим.

Как-то явилась ко мне сестра из Дома инвалидов с запиской от Адель Семеновны, сообщавшей о постигшем ее бедствии. Я послала ей, что могла, а через некоторое время вернулась из эвакуации ее дочь. Но, к сожалению, Адели Семеновне так и не удалось вернуться домой и пожить в уютной семейной обстановке. Она умерла скоростигжно от паралича сердца.

[...].

Значительную часть блокадного периода провела в Ленинграде и Татьяна Зиновьевна. Мы работали вместе с ней в «Коллекции» Каратыгиной, но и потом, когда уже не могли преодолевать пешком большие расстояния, мы держали постоянную связь. Приходя к ней, я попадала в типичную и очень страшную блокадную обстановку. Она жила с мужем, дочерью, матерью и семьей сестры. Никто из них не получал никаких дополнительных пайков. Первым умер ее муж, и бред его до последней минуты был о двухстах граммах хлеба. Целую неделю его нельзя было похоронить, и это тоже, оказывается, можно было вынести.

Когда я приходила к ним, я заставала тяжелую картину: все лежат, есть нечего, настроение подавленное, беспросветное. К ним тоже вселили семью из опасного района. Это была простая многодетная семья, и скоро вся она вымерла. Татьяна Зиновьевна была уже в таком состоянии, что, если бы не настойчивость ее дочери, она, конечно, не выжила бы. Дочь заставила ее уехать. А в это время уже близки к смерти были ее сестра и зять, причем, последний лежал в одной больнице, а сестра — в другой. И эти два, очень любящие друг друга человека так и не смогли ни разу повидаться и проститься. Оставалась в Ленинграде и мать Татьяны Зиновьевны. Думаю, что только ненормальное психическое состояние, которое обычно сопутствовало дистрофии, апатия, безразличие ко всему, помогли Виктору увезти мать от близких людей, остававшихся в ленинградском аду. Ведь для Татьяны Зиновьевны мать и сестра были самыми дорогими существами, и вряд ли она, будучи в нормальном состоянии, согласилась бы на отъезд. Конечно, речь шла о жизни дочери. Этот мотив тоже сыграл свою роль. Так или иначе, они обе уехали, и остались живы. Сестру и мать я еще навещала после их отъезда, но скоро не стало и их.

[...].

Однажды к нам явился неожиданный визитер. Вызвав меня в отдельную комнату, он сказал, что завтра заедет за мной на машине, и мы поедем в Большой дом. При этом заверял, что мне совершенно нечего бояться, что дело касается не меня, а просто надо получить от меня какие-то сведения. Назавтра кто-то действительно заехал за мной, и вот я очутилась впервые в жизни в этом здании.

Тишина, чистота, широкие коридоры. Ждать пришлось недолго. Меня проводили в большую, светлую комнату. За письменным столом сидел довольно молодой, красивый военный, подтянутый и очень любезный. Прежде всего он стал уверять меня, какой я великолепный работник и как они меня уважают и ценят. Они, мол, знают, какую ответственную работу я выполняю, и как это важно. После этого, несколько неожиданного и настораживающего предисловия начались конкретные разговоры: Дом Плеханова, Розалия Марковна, сотрудники

и, наконец, Александра Тимофеевна Шакол (Алеша). И это оказалось главным пунктом, фокусом, в котором все сходилось. Ее выслали из Ленинграда как опасный элемент, а я, зная это, пошла на вокзал ее провожать. Тут меня осенило. Откуда он знает? И целая цепь фактов, промелькнувших в голове, привела к неопровержимому выводу — [...] ³⁷, больше никому. Он слышал все наши разговоры с Алешей, когда она приходила ко мне на службу и, не стесняясь присутствием окружающих, жаловалась на свою несправедливую высылку. Не скрывала и я, что провожала ее на вокзал. Но почему именно [...]? А потому, что этот человек, с которым у меня не было ровно ничего общего, с которым мы говорили только о служебных делах, вдруг, ни с того, ни с сего стал являться ко мне домой. Истощенный, голодный, уже немолодой человек, он тащился ко мне пешком через весь город, в лютые морозы. Зачем? Чтобы повидаться со мной, навестить меня, справиться о моем самочувствии? Это исключалось. Он приходил, усаживался и начинал какие-то дурацкие теоретические разговоры. Что-то он хотел вытянуть из меня, поймать на каких-то ересеях, собрать «материал». Но делал это так глупо и неуклюже, так все было шито белыми нитками, что я сразу смекнула, для кого он старается. И принимала я его так любезно, что большим мужеством, с его стороны, было повторять свои визиты.

Но возвращаюсь в Большой дом. Когда речь зашла об Алеше и ее высылке, я сказала, что хорошо знаю ее и что она совершенно советский человек. Это было мое искреннее убеждение — она действительно была, несмотря на ее бывший «анархизм», настоящим советским человеком, и высылка ее была абсолютно бессмысленна. Тогда он сказал: «Что же, по-вашему, ее напрасно выслали?» Я ответила: «Бывают ошибки». Тут он расвирепел, всю галантность как рукой сняло. Начал орать. Да как вы смеете, вы — человек, возглавляющий учреждение, человек, к которому относятся с уважением сотрудники, какой пример вы им подаете, и так далее, в том же духе.

Выкричавшись, он дал мне лист бумаги и сказал, что уйдет на некоторое время, а я чтобы составила список всех моих знакомых, всего моего «опасного окружения».

Я стала думать, кого включить в список, чтобы по возможности не называть никого лишнего. Правда, не такая я была преступница, чтобы связь со мной представляла опасность, но все равно не хотелось в этом учреждении называть какие бы то ни было фамилии. Это значило привлечь к ним внимание, тем более, что фамилии эти надо было написать на бумаге. Я спокойно обдумала, как и что писать, и к его возвращению покончила с этим делом. Как ни странно, но я вообще, переступив порог этой комнаты, совершенно перестала волноваться. Так бывало со мной обычно на экзаменах — волновалась только до тех пор, пока ни сяду на стул против экзаменатора.

Он вернулся, просмотрел список, и опять заговорил, хотя и не об Алеше, но о тесно связанном с ней вопросе — о разгоне сотрудников Музея революции. Знаю ли я, за что сняли Каплана с поста директора Музея? Ответила, что не знаю. Опять разозлился. Как это я могу не знать? Ну, словом, меньшевизм, вредные установки. «Мне это неизвестно». «Не может быть». И все со злостью, уже ничему не верит. После этой милой, приятной беседы он говорит, что я должна помочь

им, особенно в такое тяжелое военное время, когда нужна особая бдительность — мало ли, что у людей на уме. Да, но я никогда не занимаюсь на службе разговорами, в Библиотеке почти не бываю, мало с кем знакома, а к чужим разговорам не прислушиваюсь и к тому же очень плохо слышу. Все-таки настаивает. Особенно их интересует мое «интеллигентское окружение». Ну что ж, все равно не вывернешься, и я же знаю, что никогда ничего ни о ком не скажу такого, что может причинить человеку вред. Пустая формальность и очень распространенная во время войны.

Кстати, я ему сказала: «А вашего [...] вы больше ко мне не присылайте, пожалуйста, а то я его спущу с лестницы» — что-то в этом роде. И он не возражал, только усмехнулся.

Я просидела с ним несколько часов. Человек, приехавший за мной, обещал, что меня обратно тоже доставят на машине. Но, конечно, надул, никакой машины не было. Я вышла из Дома, к счастью, в первый и последний раз. Было совсем темно. Надо было переходить Неву. Только теперь я почувствовала, как он измотал меня этим бессмысленным, никому не нужным допросом. Если в этом проявляется их бдительность, думалось мне, то можно их поздравить. Алеша, окружение, близкая мне «группа интеллигентов» — какая чепуха! Измученная, усталая, в тяжелом настроении, в предвидении этой моральной пытки я дотащилась домой, где никому, кроме Вали, ничего не рассказала.

Через несколько дней снова визитер. Увожу его в самую дальнюю комнату. На этот раз он объясняет мне, чем вызван такой усиленный интерес к моей особе. Оказывается, их страшно тревожит Розалия Марковна и ее дочери. Пусть они не враги Советского Союза, он готов этому поверить, но нельзя поручиться за их знакомства и связи. Они сами могут не знать, какие помыслы у людей, которых они могут направить в Дом Плеханова. А вдруг это шпионы и диверсанты, надо быть бдительным. О, боже, что за чушь! Кого они засылают в Дом Плеханова? За все время, что там работаю, никто из-за границы от них не приезжал. Но что поделаешь с этими бдительными органами государственной безопасности — их не убедишь. Хорошо, обещаю я, если кто-нибудь придет в Дом Плеханова из-за границы, я немедленно сообщу. На этом пока кончается. Я, конечно, абсолютно уверена в том, что никто не придет, особенно сейчас, в военное время.

Кончилась война. Мы с Татьяной Зиновьевной вернулись в Дом Плеханова. Теперь мы остались с ней вдвоем, не считая машинистки. Последние сотрудники Дома — Купреянова и Климович — умерли в эвакуации. Но через некоторое время я привлекла к работе очень приятного мне человека — Сарру Израилевну Чухман³⁸. Она работала в Публичной библиотеке и как раз в это время находилась на перепутье. Поэтому мое предложение пришлось очень кстати. Я знала, что Сарра Израилевна по своим знаниям и интересам вполне подходящий сотрудник для Дома. Мы быстро договорились, и она влилась в наш маленький коллектив. Несколько небрежная в работе, с ее неразборчивым неряшливым почерком, Сарра Израилевна, тем не менее, была большим приобретением для Дома, как человек очень живой, с широкими интересами, большими знаниями и высоким культурным уровнем. К тому же она отлично говорила и очень хорошо умела вести

«умную» беседу с приезжавшими к нам научными работниками, что было немаловажно. Да и ей это было по душе. Одно время она была уполномочена Библиотекой вести в наших двух филиалах агитационную работу. Ее слушали охотно и с интересом, потому что она умела самые скучные подчас материалы преподнести живо, конкретно, а главное, с огоньком.

Но недолго продолжалась наша совместная работа. Дом угасал буквально на глазах. Читателей становилось все меньше. Диссертаций о Плеханове уже почти никто не писал — то ли тема стала неинтересной и неактуальной, то ли просто боялись потратить даром время — все равно не пропустят, то ли не хотели лицемерить и приспособляться. Факт тот, что жизнь в Доме замерла, и Библиотека начала понемногу оголять наш фронт. Отозвали С[арру] И[зраилевну], потом и Т[атьяну] З[иновьевну], а потом и мне предложили часть времени работать в Библиотеке. Когда я осталась одна в Доме, мне пришлось в голову заняться работой, которой вероятно никто в жизни не занимался. Научный аппарат я считала более или менее завершенным, надо было просто придумать какую-нибудь работу, которая была бы полезна, и более или менее интересна.

И вот я взялась за обработку заметок Плеханова на книгах его библиотеки. Началось с того, что я переписала все заметки — это уж наверняка была нужная работа. Ведь большинство плехановских заметок было сделано карандашом, от времени многое уже стерлось, остальное могло исчезнуть через годы. Кроме того, часть заметок требовала расшифровки — иные трудно было прочесть, иные были написаны сокращенно, а часть варварски срезана при переплете. Наконец, Плеханов делал свои заметки часто не на полях, а на внутренней стороне обложки, очень густо, и не соблюдая последовательности страниц.

Переписать все в порядке страниц, сохранить для потомства, с одной стороны, облегчить пользование сегодняшним читателям, с другой — этим стоило заняться.

После этого я сделала — не слишком удачную — попытку систематизировать эти заметки, создать к ним предметно-тематический указатель. Сделать это по-настоящему очень трудно, потому что смысл заметки вскрывается обычно только в связи с текстом, к которому он относится. Заметки не афоризмы, и сами по себе в большинстве случаев еще не заключают в себе определенной мысли. Так или иначе, без большого удовлетворения собственной работой, я все же довела ее до конца³⁹.

А, в общем, дирекция Библиотеки, для которой Дом Плеханова всегда был опасным и не слишком желательным привеском, чуждым ей всем своим профилем работы, теперь окончательно не знала, что с ним делать. Закрыть? Как-то неудобно. Передать в Институт марксизма-ленинизма? Такой был план, но еще неизвестно, захотят ли его взять. Кроме того, передавая материалы Библиотеке, Розалия Марковна поставила условием, чтобы это было навечно. Правда, благодаря ее непрактичности и неделовитости, письменный договор с Библиотекой так и не был никогда оформлен официально. Это развязывало руки дирекции.

Но существовали еще живые наследники — две дочери в Париже, с которыми приходилось считаться, так как они были наравне с Розалией Марковной собственниками плехановских материалов, и передача была произведена и от их имени. Все это осложняло вопрос.

Надо еще добавить, что не совсем правильно было бы говорить об отсутствии интереса у библиотечного начальства к нашему филиалу. Нет, оно проявляло к нему большой, я бы сказала, даже слишком большой интерес, но интерес весьма односторонний. Не один раз являлись к нам представители дирекции, а то и сам директор, обходили все комнаты, внимательно их разглядывали и, посоветовавшись в сторонке между собой, уходили. О работе, о читателях — ни одного вопроса. Что же их интересовало? Помещение. Библиотека задыхалась в своем здании, искала выхода, и вот этот, хоть и незначительный, выход не давал им покоя.

Кому нужен Дом Плеханова? От него одно беспокойство. «Слишком широко живете», — говорили они. Можно было бы перевести в это здание какой-нибудь отдел или устроить квартиры для сотрудников, которые жили на территории центрального здания, на Садовой. Наконец, можно устроить в нижнем этаже общежитие.

Когда я узнала о последнем плане, я решила этого безобразия не допустить. И действительно, будучи в Москве, я зашла в Министерство культуры (или как там тогда называлось наше начальство), рассказала об этом плане, и мне заявили: «Если что-нибудь подобное будет — немедленно звоните нам». Я передала эти слова директору — Ракову⁴⁰. Он был возмущен, что я действовала через его голову, но, очевидно, предостережение подействовало. Все-таки через некоторое время большой читальный зал нижнего этажа, стоявший без дела, отделили наглухо от остального помещения и устроили в нем жилые квартиры. Против этого протестовать было невозможно. Мы были вправе отстаивать от посторонних элементов только территорию учреждения.

Между прочим, после войны у нас разместился временно весь соседний филиал — и против этого мы не возражали. Потом его перевели в центральное здание, а у нас сохранялось status quo. Но Дом дышал на ладан. Прикончило же его следующее.

В это время в Библиотеке книжные полки отдела, именуемого Отделом специального хранения (спецхраном) буквально ломились от изъятых книг. Каждый раз поступали все новые и новые печатные приказы с перечнем новых изъятий. Что только туда ни попадало! И вот, в один прекрасный день явилась какая-то проверочная комиссия и обнаружила на стеллажах [имеется в виду хранилище в здании на Садовой — публ.] целый ряд книг, которым полагалось находиться в спецхране.

Начальство перепугалось — это грозило большими неприятностями. И тут вспомнили о Доме Плеханова. Надо посмотреть, что там делается. А делалось там, разумеется, неладное. Ведь Плеханов был меньшевиком, и ясно, что в его архиве и библиотеке должно было находиться много «опасных» материалов. Но именно это-то и создавало для него особое положение в Библиотеке. Пока была Розалия Марковна, никаких изъятий у нас не делали. Верней, изъятия были, но из Дома ничего не выносилось. Все архивные материалы и книги, не подлежащие выдаче

читателям, все же оставались на территории Дома и хранились в особом шкафу⁴¹, стоявшем у Розалии Марковны в столовой. Ей доверяли, знали, что эти материалы не попадут в руки читателей.

После отъезда Розалии Марковны положение долго оставалось прежним. Но как-то одна из наших сотрудниц, Владимирова⁴², секретарь парткома Библиотеки, дружески посоветовала нам сдать по описи наиболее одиозные материалы — письма Зиновьева, Каменева, Троцкого, Раковского и др. Они давно уже лежали в шкафу Розалии Марковны, но Владимирова говорила: «Спокойней, если они будут лежать в спецхране». Она тогда как раз была заведующей этого отдела. Мы послушались ее совета. Я только просила, чтобы эти письма хранили особенно бережно, чтобы они не пропали, не затерялись среди массы находившихся там материалов. Тем более, что кроме имен в этих письмах не было ничего страшного. Ведь переписка с большевиками могла быть у Плеханова только в период его сближения с ними на почве борьбы с ликвидаторством. И действительно, в письмах шла речь о статьях, которые Плеханов писал и печатал в большевистской периодической печати. Материал интересный и ценный для его биографии.

Кроме этих писем, мы ничего в спецхран не отдавали. Мало того, мы даже не следили за новыми изъятиями — никто от нас этого не требовал. Ведь в сущности говоря изъятию подлежало, если не все, то очень многое. А мы считали, что люди, занимающиеся изучением Плеханова, неотъемлемого от его окружения, имеют право знакомиться со всеми материалами, что Дом Плеханова находится на особом положении. Так оно и было. Не могли мы сдать хотя бы такие ценные для биографии Плеханова и истории партии книги, как сборники «Группа «Освобождение труда»», хотя все эти шесть сборников в Библиотеке постепенно перекочевали в спецхран. Ведь позднее дошли до того, что все, написанное П.Б.Аксельродом, одним из основателей группы «Освобождение труда», ближайшим другом и соратником Плеханова, считалось одиозным, все — вплоть до его портретов. При таких условиях надо было либо предоставлять все эти материалы для пользования читателям, либо закрывать лавочку. Последнее решение, как самое простое и безопасное, очевидно, и было по душе дирекции.

Когда в Дом явилась комиссия во главе с директором для просмотра наших каталогов и картотек, она, конечно, немедленно накинулась на опальные имена, особенно в нашей «Плехановиане»⁴³. Личная библиотека Плеханова особых страхов не вызывала, но, помимо нее, было много книг, поступивших уже после смерти Плеханова, и среди них много изъятых⁴⁴.

Напуганный результатами осмотра директор распорядился, чтобы новая комиссия, во главе с заведующей спецхраном, произвела тщательную чистку книжных, рукописных и иконографических фондов Дома. Комиссия работала довольно долго и основательно «почистила» фонды⁴⁵. Оргвыводы последовали несколько позднее. Об этом ниже.

Еще до всей этой пертурбации, в 1950 году, мы получили известие о смерти Розалии Марковны. Незадолго до отъезда за границу она написала завещание. В нем, между прочим, насколько мне известно, она высказала свою волю относительно дальнейшей судьбы Дома. Своим

преемником она хотела поставить Льва Григорьевича Дейча, либо меня, если его не будет в живых.

Завещание в запечатанном конверте хранилось в небольшом сейфе в «кабинете Плеханова». Как только получили известие о ее смерти, я поехала в Библиотеку и сообщила директору о том, что имеется завещание. Он немедленно при мне позвонил в горком партии и сообщил об этом. Какие инструкции он получил, я не знаю. Но прошло несколько дней, и неожиданно в Дом явилось несколько человек, очевидно представители горкома и исполкома. Они потребовали завещание, уселись вокруг стола в «кабинете Плеханова» и предложили мне удалиться.

Просидев при закрытых дверях с полчаса, они вызвали меня и заявили, что забирают завещание, а мне выдадут расписку за подписью члена нотариальной конторы, каковым оказалась пришедшая с ними женщина. Все это было сделано необычайно глупо и грубо, без всякого участия дирекции Библиотеки, которая так и не узнала никогда содержания завещания. Почему понадобилась такая таинственность, осталось для нас загадкой. Директор — Раков — был не только изумлен, но, думаю, и возмущен этим вторжением, так как, конечно, именно ему прежде всего было адресовано завещание в части, касающейся судьбы Дома.

Продолжаю о его судьбе, которая решалась уже без учета воли Розалии Марковны. Не помню уже в точности, когда это произошло, но на доске в Библиотеке появился приказ о моем переводе из филиала в центр, другими словами о моем удалении из Дома Плеханова. И это — без всякого предупреждения, без лишних разговоров — после двадцатилетней работы.

[...].

Материалы я должна была сдать Михалевой⁴⁶. Михалева — коммунист, в свое время работавшая в органах НКВД. Безупречный партийный работник, но придирчиво пунктуальная и формалистка. Мы проработали с ней довольно долго, проверили все рукописные и книжные фонды, каталоги и инвентари. Случались у нас и конфликты. Но тут обнаружилась у нее, как драгоценный подарок на фоне суровой бдительности, чудесная черта — доверие к человеку.

Неожиданно для меня, мы вдруг наткнулись на папку, на которой моей рукой было написано: «Читателям не выдавать» или что-то в этом роде. Это были материалы из архива Любимова с одиозными именами, в свое время выделенными нами из его переписки, о существовании которых я начисто забыла. А вслед за этим обнаружилась еще более компрометирующая папка с копиями писем Зиновьева, Каменева, Троцкого и других, давно сданных в спецхран. Я и не подозревала о существовании этих копий.

Михалева была явно расстроена, она видела, что для меня эти находки были полной неожиданностью и понимала, что я могла бы сто раз вынести их за пределы Дома так, что никто бы и не догадался об их существовании. Замолчать эти факты она не могла, да я и не рассчитывала на это, входя в ее положение. Она забрала обе папки, на другой день отнесла их к замдиректора Фирсову⁴⁷ и сказала ему, что абсолютно мне доверяет и не сомневается в моем неведении относительно

нахождения этих материалов в Доме. Он спросил ее, почему она так уверена во мне, и она сумела его убедить так что никаких неприятных последствий для меня эта история не имела.

После проверки она осталась в должности заведующей фактически закрытого Дома, а я перешла в Библиотеку. Официального приказа о закрытии филиала не было, да и не могло быть, поскольку дирекция не вправе была сделать такое распоряжение самостоятельно, без разрешения высших инстанций. Но все материалы были размещены в двух комнатах, надежно закрытых на ключи и замки, а Михалева приходила два раза в неделю, в качестве хранителя фондов, удостовериться, что все в порядке⁴⁸.

Ненормальность положения усугублялась тем, что на поступающие изредка письма с запросами отвечать не возбранялось. В общем, это было положение примерно по формуле: «ни мира, ни войны».

Дочери Плеханова ни о чем не подозревали. Я умышленно увиливала от прямого ответа, когда они интересовались делами Дома, так как не хотела, чтобы они подняли шум вокруг этого вопроса. Время было такое, что совсем нежелательно было, чтобы они стали требовать моего возвращения на пост заведующей Домом, а они, конечно, сделали бы это. Ведь им-то известна была воля Розалии Марковны. Так я лавировала в письмах долгое время. Директор (Барашенков⁴⁹) знал, что я держу их в неизвестности, и был, конечно, очень рад этому. Понимая, какие неприятности сулило их вмешательство в его, в сущности незаконные действия.

Прошло много времени, и положение резко изменилось. Изменилось отношение к Плеханову, и снова стал вопрос об участии Дома. На этот раз решение было для него благоприятное — утвердили довольно большой (с моей точки зрения, раздутый) штат и поставили во главе горе-заведующую, уже прошедшую через ряд ответственных должностей и снятую с них, как несправившуюся, — Ухмылову⁵⁰. Конечно, нам с Татьяной Зиновьевной было неприятно, что в Доме хозяйничают чужие люди. Неприятно и больно это было и дочерям Плеханова, приехавшим в это родное для них место и заставших там новых людей, пока ничем не завоевавших их доверия. И Ухмылову они, по-видимому, разгадали. Очень деликатные люди, они никак не выражали своего отношения к переменам в Доме. Я не хотела, чтобы они узнали о них по приезду, без предупреждения, и написала о том, что произошло, в последнем письме, накануне их выезда из Парижа. Потом, здесь уже, я объяснила им, в чем была истинная причина этих перемен. Из отдельных слов в беседе с ними, из довольно прозрачных намеков в письмах уже после их отъезда, ясно было, что они чувствовали себя в Доме, среди новых и по-видимому не очень симпатичных им людей, не очень уютно. К тому же Ухмылова, проявляя неуместную бдительность, держала себя довольно бестактно, считая, очевидно, что она обязана присутствовать на всех их встречах и свиданиях с друзьями, при всех их разговорах со старыми сотрудниками Дома. Но они сумели тут, при всей своей деликатности, проявить известную твердость и отстоять свое право на свободное общение с близкими людьми без посторонних свидетелей.

Я стала работать в социально-экономической группе справочно-библиографического отдела.

Не скажу, чтобы я хорошо себя почувствовала сразу в новом коллективе. Работа была для меня новая, незнакомая, люди чужие. С моим слухом вообще трудно включиться в жизнь коллектива, да и по возрасту я к нему не подходила. Но народ был симпатичный, и мне было неприятно чувствовать себя чужеродным телом.

Первое время мне просто не повезло. И работа была не по мне, и сотрудница, возглавлявшая эту работу, вела себя не слишком чутко и тактично. Мне не хочется останавливаться на этой, довольно скучной странице моей биографии. К счастью, через некоторое время эта работа вообще прекратилась, и я стала заниматься более интересным для меня делом. А тут неожиданно в мою жизнь ворвалась новая струя.

Как-то меня вызвали в секретариат дирекции и сказали, что со мной хочет повидаться Вера Александровна Фомина. Я припомнила, что у нас в Доме долго работала над диссертацией о Плеханове какая-то Фомина. Очевидно, это была она. Я не знала, что с тех пор она стала видным работником, профессором [доктором. — Публ.] философских наук.

Спустившись вниз, я увидела уже немолодую женщину, которая встретила меня необычайно ласково и сердечно. Оказалось, что она только что вернулась из командировки в Америку, а теперь опять уезжает на некоторое время за границу. Мы долго беседовали с ней, и она рассказала между прочим, что написала книгу «Философские взгляды Плеханова»⁵¹, что книга уже в наборе, но она уже не сможет прочесть корректуру, так как на днях уезжает. Между тем, у нее есть ряд сомнений, которые надо разрешить. И она передала мне листок с вопросами, прося выяснить и уточнить некоторые факты и библиографические ссылки. Я пообещала, что сделаю это и отошлю в издательство. Потом она сообщила, что Госполитиздат предполагает выпустить избранные философские произведения Плеханова в четырех томах, и что этот вопрос будет решен в ближайшее время. И добавила: «Мы непременно привлечем вас к этой работе».

Я отнеслась к этому довольно скептически, как-то не представляла себе, что это будет за работа, и справлюсь ли я с ней.

Прошло некоторое время, и в Ленинград приехал наш редактор Иовчук, который подтвердил, уже конкретно, что издание четырехтомника (превратившегося позднее в пятитомник)⁵² включено в план на ближайшее время. Он повторил предложение Фоминой относительно моего участия в этой работе, но добавил, что, конечно, мне одной не справиться, и спросил, не могу ли я привлечь к этому делу еще кого-нибудь. Я пока что относилась к этому проекту скорей со страхом, чем с вдохновением. Не уверена была, что справлюсь: специальная философская тематика, и как работать в отрыве от материалов «Дома», находясь на территории Библиотеки. Наконец, кого привлечь?

Тут на помощь мне пришла одна из сотрудниц нашей группы, милейшая Лидия Александровна Шохор⁵³, к которой я относилась и отношусь с большой симпатией. Она подсказала мне, что к этой работе надо обязательно привлечь Исаака Самуиловича Беленького⁵⁴, который с охотой согласится, так как очень интересуется Плехановым и писал о

нем дипломную работу в университете. К тому же он окончил философский факультет.

Я так и сделала. Пока, правда, речь шла только о принципиальном согласии, т. е. официального предложения мы еще не получили. Беленький согласился, и видно было, что перспектива этой работы очень его привлекает.

Еще через некоторое время я получила уже официальное письмо от знакомой мне еще по работе над «Литературным наследием» заведующей философской редакцией Госполитиздата. Письмо было совершенно нереальное, с указанием каких-то фантастических сроков выхода томов. При этом, работа, возлагаемая на подготовителей, была чрезвычайно сложная и трудоемкая — выверка и установление подлинных плехановских текстов, комментариев и именной указатель. Я ответила, не отказываясь в принципе от участия в этой работе, что в указанные сроки даже думать нечего справиться с ней. Притом, мы же находились на службе в Библиотеке. Когда же работать?

Для разрешения всех сомнений издательство прислало к нам своего редакционного работника Веру Ивановну Козерук. Это была очень милая женщина, выдержанная и спокойная, но настойчивая и, видимо, решившая во что бы то ни стало добиться своего и уладить все сложные вопросы. А главная сложность была в том, как сочетать нашу служебную работу с работой по договорам. Ведь получать одновременно гонорар и зарплату не разрешается. В свое время, когда мы готовили к печати «Литературное наследие», мы получали гонорар, хотя посвящали этой работе все служебное время. Правда, не только служебное время, но и много часов после конца рабочего дня. К тому же зарплата у нас была тогда мизерная. Теперь было не то.

Долго придумывали всякие выходы, и, наконец, Вера Ивановна отправилась к директору и добилась у него разрешения, пока для меня одной, работать над Плехановым в служебное время. А как быть с остальными — с Беленьким и Борисом Лазаревичем Якобсоном⁵⁵, сотрудником нашей же группы, философом по образованию, который тоже согласился принять участие в этой работе? О них двоих вопрос разрешился иначе — я поговорила с заведующим отделом кадров, и он предложил им, чтобы они время от времени брали за свой счет творческие отпуска. Конечно, это можно было делать каждый раз лишь с согласия непосредственного начальства, и не один раз они наталкивались на сопротивление, вызванное интересами того участка работы, который они обслуживали. Но, в конечном счете, все это не помешало им урывать довольно много времени для подготовки плехановских трудов.

Когда решались основные вопросы подготовки, я чуть не сделала грубой ошибки, и только настойчивость Исаака Самуиловича удержала меня от нее.

Издательство предлагало нам в первую очередь заняться установлением подлинных плехановских текстов. Я уже была несколько знакома с этой работой, так как в свое время Госполитиздат поручил нам (Дому Плеханова) выверку текстов ряда плехановских работ, которые выпускались массовыми тиражами. Занимаясь этой работой, я убедилась в том, что при ее огромной трудоемкости она не дает абсолютно

надежных результатов, что здесь очень много субъективного, и я боялась, не наши ли, в конце концов, получатся тексты вместо плехановских. Эти страхи имели основание, но были преувеличены. Перелгать это дело на издательских работников, как я хотела, было бы, конечно, неправильно. Только здесь, имея в своем распоряжении архив и научный аппарат Дома, можно было толково и добросовестно проделать такую работу. Пусть она не даст стопроцентной достоверности, но что она уточнит тексты, исправит немало ошибок, опечаток и ляпсусов, восстановит искаженные царской цензурой места — в этом я убедилась и была очень рада, что моя точка зрения не получила поддержки.

Работа над выверкой оказалась даже довольно увлекательной, так как в ее процессе нам открывалось многое из истории работы Плеханова над данным произведением, обнаруживались куски статей, ускользнувшие от внимания Д.Рязанова при подготовке им собрания сочинений Плеханова⁵⁶. Это дало нам возможность познакомить читателей с плехановскими текстами, если не абсолютно достоверными, то наиболее достоверными из всех публиковавшихся ранее, притом дополненными в ряде случаев совершенно неизвестными абзацами и библиографическими ссылками. Так что немалый труд, затраченный на эту работу, вполне себя оправдал.

Козерук уехала довольная, выполнив свою нелегкую миссию. Вскоре мы получили договора, и принялись за работу. Исаак Самуилович привлек к ней еще одного ценного сотрудника — Софью Михайловну Фирсову, кандидата экономических наук — умную и очень милую Сонечку. Она состояла на службе за пределами Библиотеки, так что никаких осложнений и препятствий для ее работы с нами не предвиделось.

Мое привилегированное положение скоро изменилось. После нескольких месяцев работы меня вызвала заместитель директора по научной части и поставила вопрос о незаконности работы по договору в служебное время. Она не высказывалась решительно, ничего не запрещала, но самые эти сомнения и колебания были мне неприятны. Поэтому я решила перейти на половинный рабочий день, оставив для себя свободные полдня. Товарищи отговаривали меня, но я считала, что так будет спокойней.

Теперь нас четверо — два философа, один экономист и я «одной прислугой». В общем, неплохо. Коллектив оказался удачный — и в смысле квалификации, и просто в обыкновенном человеческом смысле. Мы работали дружно, в полном контакте, помогали друг другу советом и делом. Бывали изредка и конфликты, но очень незначительные и быстро изживавшиеся. Исаак Самуилович, отличный работник, с большой эрудицией, был изрядно упрям и, кроме того, весьма равнодушно относился к срокам и обязательствам. Лишь бы было сделано хорошо, а когда это будет — несущественно. Никакие договорные сроки, никакие грозные письма и телеграммы из Москвы на него не действовали.

Остальные товарищи не разделяли такого его философского спокойствия. В особенности огорчало оно меня. Я, конечно, привыкла к тому, что договорные сроки часто не соблюдаются, но всему есть

пределы. Так или иначе, в течение трех лет, почти «без отрыва от производства» мы подготовили к печати, на мой взгляд, очень доброкачественное издание лучших философских работ Плеханова, явившееся безусловно, ценным вкладом в теоретическую литературу марксизма. Это было тем более важно, что вышедшее в конце 20-х годов 24-х томное собрание сочинений Плеханова стало уже библиографической редкостью, не говоря уже о том, что оно не было снабжено научным аппаратом.

[...]

Работа над пятитомником как бы завершила длинный период моей жизни, посвященный изучению плехановского наследия. Оглядываясь назад, я могу сказать, что мне очень повезло. После долгих метаний и поисков путей, на которых я могла бы наиболее плодотворно использовать свои возможности, я натолкнулась на работу, очень отвечающую моим склонностям. И худо ли, хорошо ли я ее делала, я всегда считала, что на мою долю выпал счастливый лотерейный билет. Ведь много ли существует таких интересных архивов, как архив Плеханова — теоретика марксизма, искусствоведа, литературоведа, блестящего стилиста и непревзойденного полемиста? И очутиться у самых истоков марксистской теоретической мысли, причем получить все материалы в свои руки, без постороннего вмешательства, при равнодушном попустительстве библиотечного начальства? Это ли было не счастье? Пусть мы барахтались в начале нашей работы, пусть было трудно, но мы никогда не пожалели об этом.

Положение «знатной иностранной концессии на территории ГПБ» нас очень устраивало. Именно это существование «на отшибе» определило лицо Дома и помогло нам справиться с многими трудностями. Теперь все это уже позади, и я только могу пожалеть о том, что в жизни не повторяется — ни хорошее, ни плохое.

На днях я слушала по радио рассказы Аграновского «Разные смелости». Один из них о старом пилоте, смелость которого опиралась на многолетний опыт летчика-испытателя. Эта профессия имеет свой предельный возраст, примерно сорок пять лет. Пилот же, о котором идет речь, перешагнул уже за шестой десяток. Его тридцатилетний опыт обеспечивал ему всеобщее доверие и уважение. Тема рассказа — попытка пилота поднять самолет значительно выше «потолка». Люди, наблюдающие за его полетом на аэродроме и не знающие его намерений, замечают что-то неладное — самолет снижается, почти падает, потом снова взлетает вверх, на значительно большую, чем обычно, высоту. И вот он устремляется вниз, и все бегут навстречу, чуя катастрофу. Пилот выходит из кабины смертельно бледный, и с горечью говорит, что наступил конец его полетам, что он дважды потерял сознание, поднявшись в стратосферу, что кислород не оказал на него никакого действия. Значит, надо прощаться с полетами, с испытаниями, со всем, чем он жил три десятка лет.

Все окружающие понимают его трагедию, но ничем не могут его утешить. И в этот момент все видят, как по летному полю бежит страшно взволнованный человек. Он подбегает, задыхаясь, к группе, окружающей пилота и кричит: «Это я во всем виноват. Я забыл включить кислород в кабине». Автор целомудренно обрывает на этом

рассказ. Он не говорит о том, как старый пилот схватил в объятия этого незадачливого механика, забывчивость которого чуть не стоила ему жизни. Это происходит уже за кулисами.

Для чего я привела этот рассказ в заключительных строках моих воспоминаний? Для того, чтобы сказать, что мне уже не приходится рассчитывать на забывчивость моего механика, которая могла бы спасти от трагедии старости. А трагедия эта, хоть и не новая и ежедневно разыгрывающаяся на наших глазах, очень страшная. И особенно страшная для тех, кто, казалось бы вопреки всем законам естества, остается до последней возможности на своем посту. Пусть не кажется тем, кто даже завидует этой сохранившейся трудоспособности, что вот, мол, они не доживут до такой старости. Нет, все равно, пока что они молоды, а там видно будет. И последнее, что я скажу, — и это самое тяжелое — плохо тому, кто до глубокой старости не успел до конца изжить свою молодость. На этом ставлю точку.

РНБ. АДП. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Примечания

²⁵ В 1920-е гг. ПБ, с целью уменьшения напряженности в работе читальных залов в Главном здании, приближения книги к широким кругам читателей и рационального использования переданных ей вместе с помещениями библиотек, организует ряд филиалов. После Октябрьской революции ПБ было передано здание бывшего Императорского Вольного экономического общества вместе с фондами его библиотеки. На ее базе был образован филиал ПБ — Библиотека народного хозяйства (в последующем — местного хозяйства и краеведения). С 1951 г. эти помещения занимает Академия культуры.

²⁶ *Климович В.О. (Иосифович) (1885—?)* — библиотекарь. В ПБ в ДП работал с 1939 по 1942 г. Вел библиографическую, каталогизационную и техническую работу по составлению картотеки «Плехановиана». Климович, немец по национальности, был выслан из Ленинграда в августе 1942 г.

²⁷ Последний из напечатанных сборников «Литературное наследие Г.В.Плеханова» (Сб. 8. Ч. 1) вышел в свет в 1940 г. В ДП хранится корректура второй части восьмого сборника. Материалы, подготовленные для девятого — одиннадцатого сборников, впоследствии были использованы при издании «Философско-литературного наследия Г.В.Плеханова» (Т. 1—3. М., 1973—1974).

²⁸ *Купрянова Е.А. (1882—?)* — библиотекарь. В ПБ в ДП работала с 1935 по 1940 г. Занималась инвентаризацией и каталогизацией архивных материалов, участвовала в составлении «Плехановианы».

Семенова Е.Э. (1885—?) — библиотекарь-машинистка. В 1925 г. принимала участие в подготовке к печати сборников «Группа «Освобождение труда», издававшихся Л.Г.Дейчем. В ПБ работала с 1925 по 1956 г., в ДП с 1928 по 1950 г. Расшифровывала рукописи писем иностранных корреспондентов Г.В.Плеханова. В качестве библиотекаря занималась библиотечно-технической обработкой и каталогизацией новых поступлений, вела каталоги. Работала в группе по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне».

У автора ошибка, имеется в виду *Иванова А.И. (1891—?)* работала в ДП с начала 30-х годов до 1941 г.

²⁹ *Каратыгина В.А. (1896—1966)* — библиотекарь, библиограф. В ПБ работала с 1938 по 1966 г. Заведовала II филиалом ПБ — Народного хозяйства на базе б-ки Вольного экономического общества. В годы блокады руководила работой по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войны». После

войны работала главным библиографом консультационно-библиографического отдела.

³⁰ Решение об эвакуации в Мелекесс наиболее ценных частей книжных и рукописных фондов ПБ было принято СНК СССР 6 июля 1941 г. 7 июля это решение было получено в Библиотеке, и уже 20 июля эшелон с ценным грузом отбыл из Ленинграда. В эвакуацию были отправлены фонды Отдела рукописей, коллекции изданий произведений классиков марксизма-ленинизма, вольной русской печати, старопечатные книги, «Пушкиниана», русские книги XVII в. и первой четверти XIX в., фонд «Россика», библиотека Вольтера, инкунабулы, отдельные части фондов литературы народов СССР, картографии, эстампов, иностранной литературы. Эвакуации подлежали также архив ДП и личная библиотека Плеханова. Все эти фонды были упакованы в 3498 ящиков большой вместимости, из них 9 ящиков составил архив и 40 — библиотека Плеханова. Эвакуируемые фонды сопровождали 14 сотрудников (с членами семей 38 человек). Из эвакуации первая партия материалов прибыла в Ленинград 6 октября 1945 г. (ЦГАЛИ. СПб. Ф. 97. Оп. 3. Ед. 594, 595, 1052).

³¹ *Бриллиант В.А.* (1883—1969) — юрист, географ, библиотековед, библиофил. В ПБ работал с 1921 по 1953 г. — гл. библиотекар, затем — зав. отделом картографии.

³² О работе ПБ в годы Великой Отечественной войны, об эвакуации фондов, о работе и жизни сотрудников в Мелекессе см.: В память ушедших и во славу живущих: Хроника событий, 22 июля 1941 — 9 мая 1945 / РНБ. СПб., 1995. 524 с.; В память ушедших и во славу живущих: Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941—1945 / РНБ. СПб., 1995. 274 с.

³³ *Кашменский Н.И.* (1886—1953) — экономист, библиограф. В ПБ работал с 1941 по 1953 г. в должности плановика-экономиста. С 1949 по 1951 г. исполнял обязанности Ученого секретаря Библиотеки.

³⁴ «200 блокадных грамм» — это норма выдачи хлеба служащим и иждивенцам с 12 октября до 13 ноября 1941 г., для рабочих и ИТР она составляла 400 г., с 13 ноября норма выдачи снизилась до 150 и 300 г. соответственно. Самые низкие нормы были установлены с 20 ноября по 25 декабря 1941 г.: рабочим и ИТР — по 250 г., служащим, иждивенцам и детям до 12 лет — 125 г. 25 декабря 1941 г. — первое повышение норм: рабочим и ИТР — 350 г., всем остальным группам населения — 200 г. В состав блокадного хлеба входили: овсяная, ячменная, соевая, кукурузная, рисовая мука, жмых, отруби, обойная пыль, мучные сметки, пищевая целлюлоза. Подробные сведения об организации снабжения города в условиях блокады дают документальные материалы. В историографии обороны Ленинграда необходимо отметить два сборника документов (всего два!): 900 героических дней: Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М.—Л., 1966; Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. СПб., 1995.

³⁵ *Егоренкова Е.Ф.* (1907—1966) — востоковед. В ПБ с перерывом работала с 1940 по 1951 г., в 1940—1941 г. — Ученым секретарем, 1941—1946 гг. — директором, 1949—1951 гг. — зав. отделом систематизации и предметизации. С 1951 по 1966 г. возглавляла библиотеку Военно-медицинской академии.

³⁶ Имеется в виду визит в США Председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева по приглашению президента США Д.Эйзенхауэра с 15 по 27 сентября 1959 г., имевший огромный общественно-политический резонанс в мире.

³⁷ В воспоминаниях Е.С.Коц названа фамилия человека, которого она подозревает в доносах. В публикации она не приводится, так как подробности данного дела остались за пределами воспоминаний; документов, подтверждаю-

щих справедливость таких подозрений, нет, однако известно, что этот человек был репрессирован.

³⁸ *Чухман С.И.* (1888—1966) — в 1912 г. окончила Высшие женские курсы в Петербурге. В ПБ работала с 1942 по 1952 г.

³⁹ Предметно-тематический указатель помет Г.В.Плеханова на книгах личной библиотеки является вспомогательным к алфавитному каталогу книг и периодических изданий этой библиотеки. Выполненный в форме картотеки, он насчитывает около 8000 карточек, раскрывающих пометы Плеханова по содержанию в форме предметных рубрик, расставленных в алфавитном порядке. Рубрики указателя составлены из слов, взятых непосредственно из помет Плеханова или из текстов, к которым эти пометы относятся. Е.С.Коц скромно оценивает свой труд, но и по сей день этот указатель является незаменимым пособием при работе с книгами личной библиотеки Г.В.Плеханова.

⁴⁰ *Раков Л.Л.* (1904—1970) — историк. До 1941 г. научный сотрудник Русского музея, ученый секретарь Государственного Эрмитажа. В 1941—1944 гг. лектор фронтового Дома Красной Армии. С 1944 по 1947 г. зам. директора, начальник военного отдела и директор Музея обороны Ленинграда. С 1947 по 1950 г. директор ПБ. В 1950 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР на двадцать пять лет лишения свободы. Отбывал наказание с 1950 по май 1954 г. Освобожден в связи с прекращением дела. В 1954 г., согласно приказу министра культуры РСФСР, был откомандирован в распоряжение Министерства культуры СССР для использования на работе по специальности.

⁴¹ Работа с идеологически «вредными» изданиями в ДП началась в 1935 г. Был выделен «секретный шкаф», составлены списки литературы, подлежащей хранению в нем, правила пользования; каждый раз при его вскрытии составлялся акт (первый подобный акт относится к 13 мая 1935 г.), в него помещались вновь арестованные издания, и он снова печатывался.

⁴² *Владимирова Е.В.* (1902—?) — библиотекарь. В ПБ работала с 1926 по 1954 г. В 1931—1933 гг. была прикомандирована в ДП для работы с книжными фондами.

⁴³ Картотека «Плехановиана» в настоящее время состоит из двух частей: алфавитной и хронологической. В данном случае имеется в виду алфавитная «Плехановиана», содержащая библиографические записи книг, статей из сборников, периодических и продолжающихся изданий, материалов на правах рукописей, посвященных полностью или частично жизни и деятельности Г.В.Плеханова, на русском и иностранном языках. При ее составлении никогда не использовался принцип качественного отбора материала и из нее никогда не производились изъятия. Естественно, что к описываемому периоду в картотеке имелись карточки на произведения запрещенных и репрессированных авторов, кроме того, она ярко отражала полемику, посвященную анализу трудов и роли Плеханова, которая велась в 20—30-х годах в научной и политической литературе.

⁴⁴ Имеется в виду фонд подсобной библиотеки ДП. Этот фонд начал формироваться со времени основания ДП и постоянно пополняется новыми изданиями. Несмотря на численно небольшой состав и ограниченную тематику, он представляет большой интерес для исследователей, работающих в области истории общественной мысли и революционного движения. В нем собраны издания с середины XIX в., есть материалы времен революции и гражданской войны в России, белоэмигрантские издания, собрание оттисков, копий, вырезок из печатных материалов, посвященных Г.В.Плеханову и дающих возможность ознакомиться с публикациями, отсутствующими в фондах РНБ (прежде всего, это относится к трудам зарубежных авторов); имеется ряд работ, хранящихся на правах рукописей.

⁴⁵ В 1951—1955 гг. в ПБ проводилась проверка, целью которой было «очистить фонды и каталоги ГПБ от идеологически вредной литературы». Начало изъятий изданий и архивных документов из фондов ДП относится к октябрю 1948 г., когда по акту было исключено 194 названия печатных изданий, в т. ч. 23 из личных книг Г.В. и Р.М.Плехановых, и более 70 единиц хранения из архива Г.В.Плеханова. Всего в ДП имеется 11 актов о передаче литературы в фонд Отдела специального хранения и Отдела комплектования. Самые большие изъятия были в 1952 г. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. была проведена работа по возвращению из спецхрана в ДП архивных материалов и печатных изданий.

⁴⁶ Михалева А.Н. (род. 1910) — историк. Работала в архиве Министерства внутренних дел Удмуртской ССР. С 1947 по 1977 г. — сотрудник Отдела рукописей. В 1949 г. исполняла обязанности Ученого секретаря ПБ.

⁴⁷ Фирсов Г.Г. (1902—1990) — библиотековед, профессор. В ПБ, с перерывом на время блокады, работал с 1935 по 1955 г. зав. отделом каталогизации, зам. директора Библиотеки. С 1955 г. — профессор, зав. кафедрой ЛГИК им. Н.К.Крупской (ныне Академия культуры).

⁴⁸ Фактически, в ноябре 1952 г. ДП был закрыт. Законсервирована и опечатана картотека «Плехановиана», в дальнейшем предполагалось начать ее «изучение» по содержанию. Были опечатаны личная переписка Георгия Валентиновича с Розалией Марковной и все материалы, к ней относящиеся, архивы Л.Г.Дейча и В.И.Засулич. 1 ноября были сняты вывески с дверей, ведущих в помещения ДП. Постепенное возобновление работы относится к 1956 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения Г.В.Плеханова

⁴⁹ Барашенков В.М. (1905—1983) — историк. Зав. кафедрой философии в Институте партактива Ленинграда, зав. кафедрой марксизма-ленинизма в 3-м медицинском и затем в Электротехническом институте им. В.И.Ульянова (Ленина). С 1952 по 1970 г. — директор ПБ.

⁵⁰ Ухмылова Т.К. (1893—1970) — историк-литературовед. В ПБ, с перерывом, работала с 1934 по 1961 г. зам. зав., затем зав. Отделом рукописей, зав. читальным залом, зав. ДП. Ею написаны ряд статей, посвященных характеристике литературного наследия Г.В.Плеханова.

⁵¹ Фомина В.А. Философские взгляды Г.В.Плеханова. М.: Госполитиздат, 1955. 344 с.

⁵² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956—1958. Т. 1—5. Данное издание было осуществлено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Госполитиздатом в соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О 100-летию со дня рождения Г.В.Плеханова» от 16 октября 1956 г.

⁵³ Шохор-Троцкая Л.А. (1912—1983) — библиограф. В ПБ, с небольшим перерывом, работала с 1938 по 1978 г. Библиограф Информационно-библиографического отдела.

⁵⁴ Беленький И.С. (1920—1981) — философ, кандидат педагогических наук по специальности «Библиография и библиотековедение». В ПБ работал с 1948 по 1981 г. в качестве библиографа Информационно-библиографического отдела. В 1968 г. присвоено звание младшего научного сотрудника.

⁵⁵ Якобсон Б.Л. (1919—1996) — философ. Преподавал философию в Институте международных отношений в Москве, затем в Ленинграде, в Кораблестроительном институте. В ПБ работал с 1949 по 1984 г. в отделе систематизации, затем — библиографом в Информационно-библиографическом отделе.

⁵⁶ Плеханов Г.В. Сочинения: В 24 т. / Институт К.Маркса и Ф.Энгельса; Ред. и предисловие Д.Рязанова. М.—Л.: Госиздат, 1923—1928. (Библиотека научного социализма).

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА

- Великий поэт России** (А.А.Чернобаев) 3
- «Поплачет Русская поэзия...»** Письмо купца И.Д.Баркова
племяннику С.В.Баркову. 1837 г. (А.А.Преображенский) 4
- Петр Бартенев о Пушкине.** Из дневника 1854—1855 гг.
(И.А.Смирнова) 8
- Каменевская пушкиниана.** 1933 г. (Л.Ф.Кадик, В.В.Крылов) 25

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- «Я пишу как было, я никого не щажу».** Неизвестная глава из
воспоминаний маршала Г.К.Жукова (Ю.А.Абрамова) 38

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- «На мою долю выпал счастливый лотерейный билет».** Отрывки
из воспоминаний Е.С.Коц (И.В.Смирнова) *(Окончание)* 75

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Политическая эмиграция — не наш путь».** Письма
Н.В.Устрялова Г.Н.Дикому. 1930—1935 гг. (О.А.Воробьев)
(Окончание) 107

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

- «Культурные люди сознательно учитывают прошлое».**
Из записных книжек А.А.Богданова (Ю.П.Шарапов) 167

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

- «Россия быстро движется к государственному банкротству».**
Записка С.Ф.Шарапова великому князю Александру Михайловичу.
1895 г. (М.Ю.Конягин) 176

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- «Надлежит... ведать все уставы государственные и важность их».**
Документы РГАДА по истории государственной службы в
России. XVIII в. (Н.Ю.Болотина) *(Окончание)* 189

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы**
(М.В.Латыш) 216